

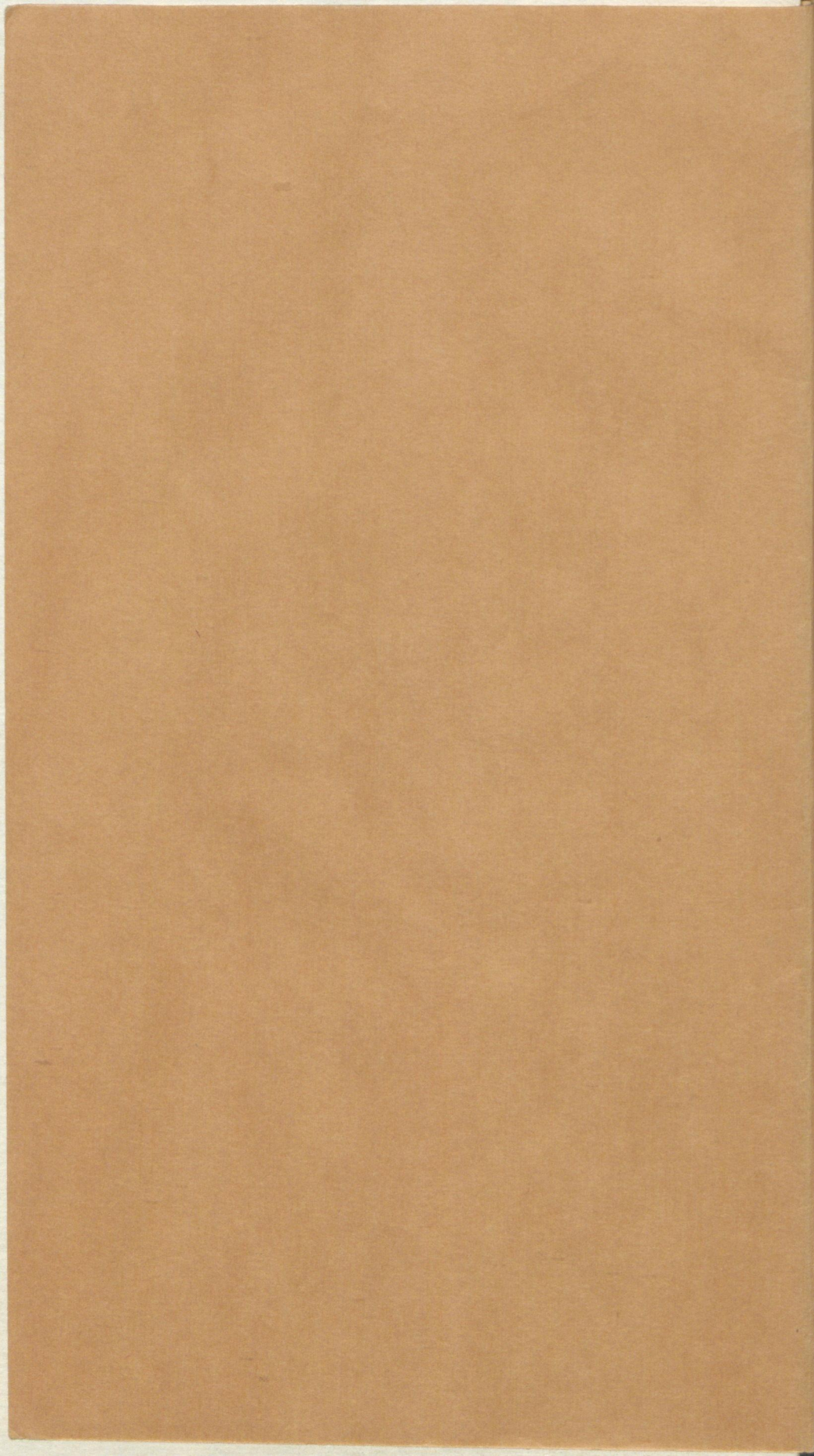
504921

PK-2 PK-2
C-897-II. C-897-17.

C

C-897-11
10/12-2
5041921

М.Ф. Сумцов. Писанки. – 1891

04921

1984

~~8 IV~~
~~588~~

45

ПИСАНКИ.

Содержаніе:

Писанки въ старинной и современной этнографіи.— Матеріалы и пособія при составленіи настоящей статьи.— Религіозно-символическое значеніе и обрядовое употребленіе крашевых яицъ въ древнихъ культурахъ.— Отраженіе древнихъ символическихъ лицъ въ сказкахъ.— Преданія и сказанія о происхожденіи писанокъ.— Народныя названія для крашенокъ и писанокъ.— Сфера распространенія писанокъ въ настоящее время.— Время приготовленія писанокъ.— Мистическо-обрядовая обстановка.— Принадлежности писаночнаго дѣла: кисточка и краски.— Способы приготовленія писанокъ.— Употребленіе крашенокъ и писанокъ при поздравленіи съ праздникомъ въ обихъ или подарокъ, для полученія красоты и здоровья, для плодородія почвы и роенія пчелъ, во избѣжаніе громоваго удара и пожара, для излеченія болѣзней, для прогнанія вѣдьмъ и отъ глаза, при поминаніи умершихъ и въ дѣтскихъ играхъ.— Значеніе малорусской игры въ навотку и чешской игры въ помлазку.

Орнаментация писанокъ: геометрическая, растительная, животная, бытовая и религиозная.— Архангелскія черты орнамента: плетенка, трезубецъ, солнечные кружки, пентаграмъ, мейдъръ, свастика, пѣтушки.— Какія мѣстныя растенія входятъ въ писаночную орнаментку.— О названіяхъ и происхожденіи нѣкоторыхъ писанокъ съ предметнымъ орнаментомъ: бесагъ, халитокъ и др.— Унадокъ обихая приготовленія писанокъ.— Заключеніе.

Научное изученіе писанокъ въ западной Европѣ началось въ концѣ XVII в. Въ 1682 г. вышло въ Гейдельбергѣ сочиненіе Рихтера „Dissertatio de ovis paschalibus, von Oster-Eiern“, въ которомъ высказано мнѣніе о древнегреческомъ происхожденіи писанокъ. Въ описаніи нѣмецкихъ пасхальныхъ яицъ отмѣчено, что крапанки закапывали подъ Пасху въ землю и потомъ показывали ихъ дѣтямъ и говорили, что ихъ снесли

1

Прочтено
1916 1938

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
№ _____

02 1915
58 1340
2007

зайцы, приче́мъ возникло и особое для нихъ названіе *Naseneier*, Коберъ въ „*Dissertatio de ovo paschali*“ (Лейпцигъ, 1690) высказывалъ мнѣніе о церковно-христіанскомъ происхожденіи писанокъ. Такое же мнѣніе проводится въ сочиненіи Краскія „*Dissertatio de ovo paschali*“ (Франкфуртъ на Одерѣ, 1705 г.). Краскій видитъ въ писанкахъ символъ будущаго воскресенія мертвыхъ. Въ книгѣ есть указанія на нѣкоторыя народныя обряды, напр., катаніе писанокъ. Въ томъ же направленіи писали о пасхальныхъ яйцахъ Эрдманъ въ 1705 г. и Енсень въ 1706 г. Послѣдній утверждалъ, что крапанки знаменуютъ пролитую за родъ человѣческой крови Спасителя. Въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ послѣдняго времени, касавшихся писанокъ, Сена (*Das Heidenthum*, 1853), Вундерлиха (*Das christliche Kirchenjahr*, 1884) и Кольбе, (*Hessische Volks-Sitten*, 1888), проводится то мнѣніе, что писанки происходятъ изъ языческой древности и служили нѣкогда символомъ весенняго солнца (*Zibrt, Nektere wykłady o powodu kraslic*, 1890).

Въ нѣмецкой наукѣ интересъ къ писанкамъ заглохъ. Въ XVII в. находили нужнымъ посвящать писанкамъ спеціальныя изслѣдованія, а въ XVIII и въ XIX говорятъ о нихъ лишь мимоходомъ, при разсмотрѣніи другихъ обычаевъ, связанныхъ съ народнымъ календаремъ.

Въ Россіи, если не считать иностранныхъ путешественниковъ XVII вѣка Олеарія и Боплана, упоминающихъ о писанкахъ, впервые на писанки обращено вниманіе въ концѣ 70 годовъ. Въ статьѣ О. К. Волкова „Отличительныя черты южно-русской народной орнаментики“ въ „Трудахъ 3 археологическаго съѣзда (въ Кіевѣ) 1878 г.“ на стр. 318 и 325 находится маленькая замѣтка объ орнаментаци писанокъ. Въ 1879 г. вышли „Украинскіе узоры“ г-жи Косачъ. Въ предисловіи стр. 13—14 находится замѣтка объ орнаментикѣ писанокъ, въ атласѣ 23 цвѣтныхъ копій. Въ 1882 г. Кольбергъ сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о галицко-русскихъ писанкахъ въ „Рокисіе“. Въ 1887 г. была небольшая замѣтка Бартельса объ украинскихъ писанкахъ въ *Zeitschrift für Ethnologie* и о польскихъ въ журналѣ *Wisła*. Въ этомъ году вышло

двѣ монографіи о писанкахъ, на польскомъ языкѣ о польскихъ писанкахъ, — г. Удзѣлы „Piski w mieście Ropczycach i w okolicy“ и болѣе обширная на чешскомъ языкѣ о моравскихъ писанкахъ подъ заглавіемъ „Moravske ornamenty“ со статьями Ванкеля и Странечки. Чешское сочиненіе снабжено большимъ атласомъ съ рисунками писанокъ. Статья Ванкеля, извѣстнаго археолога, представляетъ солидное изслѣдованіе объ археологическомъ значеніи писанокъ.

Въ послѣдніе годы обнаруживается уже большой интересъ къ писанкамъ среди этнографовъ всѣхъ славянскихъ странъ, преимущественно у поляковъ. Въ 76 № „Харьковскихъ Губерн. Вѣдомостей“ 1889 г. я обратился къ публикѣ съ просьбой о доставленіи мнѣ свѣдѣній о писанкахъ по приложенной тогда же мной программѣ изъ 8 §§. Моя статья была перепечатана цѣликомъ или отчасти въ „Елисаветградскомъ Вѣстникѣ“, „Волыни“, „Кіевской Старинѣ“ и „Этнографическомъ Обзорѣніи“. Въ томъ же году, независимо отъ моего обращенія къ публикѣ, въ 328 № польскаго иллюстрированнаго „Tygodnik'a“ а затѣмъ и въ другихъ иллюстрированныхъ польскихъ изданіяхъ появилась просьба къ публикѣ о собираніи и доставленіи писанокъ и свѣдѣній о нихъ, подписанная двумя молодыми польскими учеными, этнографомъ Вольскимъ и археологомъ Довгирдомъ, съ присоединеніемъ небольшой руководящей программки и четырехъ снимковъ съ писанокъ, трехъ польскихъ и одной украинской. Въ концѣ 1889 г. въ новомъ сербскомъ журналѣ „Гласникъ земальскогъ Музеја“ (III, 60) г. Свитличъ въ статьѣ „Ускрашняя шарена јаја“ сообщилъ, что Волтровичъ собираетъ въ Сербіи и Босніи писанки для изученія ихъ орнаментики.

Изъ этихъ обращеній къ интеллигентной публикѣ наиболее счастливымъ оказалось польское. Въ № 4 „Tygodnik'a“ и немного позднѣе въ IV книгѣ „Wisła“ 1890 г. Вольскій и Довгирдъ сообщили, что они изъ разныхъ мѣстностей Польши и лѣвобережной Малороссіи получили нѣсколько десятковъ описаній писанокъ и 2800 экземпляровъ писанокъ, изъ 220 сель. Сами собиратели удивлены успѣхомъ своего обращенія къ обществу и замѣчаютъ, что „rezultat wypadł nadspodziewanie

świetnie“. Любопытно, что наибольшее число коллекцій дали губерніи съ преобладающимъ или сплошнымъ малорусскимъ населеніемъ: подольская 13, кievская 5, волынская 4, сѣдлецкая 6, тогда какъ изъ варшавской 3, сувалкской 2, петроковской, калишской и плоцкой по 1 коллекціи.

Во 2 кн. „Wisła“ 1890 г. была небольшая замѣтка г-жи Садовой о писанкахъ въ новоминскомъ у. варшавской губ. и въ 4 кн. „Wisła“ 1890 г. небольшая статья г. Довгирда о способахъ приготовленія писанокъ въ Польшѣ и главныхъ особенностяхъ въ разрисовкѣ пасхальныхъ яицъ.

Въ № 15 „Tygodnik illustr. dla dzieci“ 1889 г. напечатана замѣтка Зѣля о галицко-русскихъ писанкахъ (Покутье), съ приложеніемъ 48 рисунковъ.

Другія библиографическія указанія будутъ сдѣланы нами въ текстѣ статьи въ надлежащихъ мѣстахъ. Указаній этихъ немного, такъ какъ литература предмета крайне незначительна. Главный матеріалъ состоитъ въ письменныхъ сообщеніяхъ и въ коллекціяхъ писанокъ, любезно доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ мѣстностей южной Россіи любителями отечественной этнографіи.

Сообщенія о писанкахъ мной получены отъ слѣдующихъ лицъ: 1) свѣщ. Измаила Дмитріева, 2) Д. Л. Глинскаго, 3) И. И. Манжуры, 4) М. П. Савинова, 5) NN (при посредствѣ П. В. И.), 6) М. Д. Счубака, 7) В. Н. Свѣтъ, 8) Д. Пелихова, 9) А. А. Склябинской, 10) г. О. В., 11) П. А. Карловича, 12) г. Патеры (изъ Праги), 13) С. Вольскаго, 14) свѣщ. Ѳедора Родкевича (при посредствѣ М. П. Савинова), 15) г. Стенанова, 16) г-жи Проскуры, 17) г. Донцова, 18) г. Товлекина, 19) г. Жукова, 20) г. Дудка, 21) г. Мишневъ, 22) г. Лаушняка, 23) г. Андреева, 24) г. Росавскаго, 25) г. П. Щ., 26) г. Прасолова, 27) г. Друживина, 28) г. Трофимовскаго, 29) Вл. Кобеляцкаго и 30) Е. Баравской. По мѣстностямъ: изъ Подоліи №№ 4, 14; Волыни 2, Екатеринославщины 3, Кіевщины 10, Харьковщины 1, 5, 6, 7, 8, 9, Кубанской области 15—30.

Моя коллекція писанокъ составила изъ слѣдующихъ:

Изъ харьковской губерніи: харьковскаго у. с. Островерховки—5 (отъ г. Савинова), Коротича 4 (куплены на мѣстѣ), змievскаго 1 (студ. Бобина), изюмскаго 1 (студ. Бобина), богодуховскаго, г. Краснокутска 4 (студ. Бобина), г. Куянска 6 (П. В. Иванова), ахтырскаго 17 малярскихъ, 20 полу-малярскихъ и 14 простыхъ (куплены на мѣстѣ) и лебединскаго 36 (отъ свѣщ. Дмитріева).

Екатеринославской губ.—16 (студ. Бобина).

Полтавской г., полтавскаго уѣзда 7 (П. И. Петрушевскаго).

Волынской г., острожскаго у. с. Гульчи 45 (отъ Д. Л. Глинскаго).

Подольской губ. 37 (отъ свщ. Родкевича).

Кубанской обл. 16 (отъ г-жи Е. Барановской).

Курской г., курскаго у. с. Воробьевки 3 (отъ г. Болтенкова); цигровскаго уѣзда 4 (отъ М. Е. Халавскаго).

Вологодской г. 6 деревянныхъ (отъ М. П. Савинова).

Изъ Болгаріи 1 монастырская.

Всѣмъ моимъ согрудникамъ и корреспондентамъ, поименованнымъ въ этомъ спискѣ, приношу мою глубокую благодарность.

Въ печати были указанія еще на слѣдующія коллекціи писанокъ:

- 1) Г. Вольскаго и Довгирда въ Варшавѣ (весьма обширная и цѣнная; выставлена въ этнографическомъ музеѣ; много малорусскихъ писанокъ),
- 2) Баргельса въ музеѣ берлинскаго антропологическ. общества (малорусскія),
- 3) Въ музеѣ краковской академіи наукъ,
- 4) Въ техническомъ музеѣ Адриана Баранецкаго въ Краковѣ (много малор.),
- 5) Во Львовѣ въ музеѣ графа Дзѣдушицкаго,
- 6) Во Львовѣ въ Техническомъ музеѣ,
- 7) Въ Моравіи въ Врно въ Патриотическомъ музеѣ,
- 8) Въ Прагѣ въ музеѣ Напрстка,
- 9) Г-жи Косачевой въ Кіевѣ,
- 10) Г. Павлина (галицко-русскихъ писанокъ).
- 11) Въ лубенскомъ музеѣ г-жи Скаржинской (около 300) и
- 13) Н. А. Яичука въ Москвѣ.

Яицо получило важное религіозно-обрядовое и символическое значеніе задолго до христіанства въ повѣрьяхъ и бытѣ древнихъ культурныхъ народовъ, какъ символъ солнца, которое занимаетъ первое мѣсто въ языческихъ культахъ. Чествованіе яица обусловлено было мыслью о весеннемъ возрожденіи солнца, а вмѣстѣ съ нимъ всей творческой силы природы.

Въ сказкахъ зооморфическій образъ солнца жарь-птица однимъ своимъ перомъ освѣщаетъ большой садъ. Чародѣй (зимній холодъ) похищаетъ ее; но она до похищенія успѣваетъ свести золотое яицо, которое является затѣмъ новымъ источникомъ жизни, свѣта и тепла. Своими жаркими лучами солнце-яицо согрѣваетъ холодныя зимнія тучи, разгоняетъ туманъ, заставляетъ облака лить дождевыя потоки, и на землѣ воцаряется лѣто.

Оттого у народовъ древнихъ и новыхъ, дикихъ и цивилизованныхъ, распространены сказки о яицѣ, какъ источникѣ жизни и вселенной. Яицами одаривали другъ друга въ началѣ новаго года; ихъ величали въ священныхъ пѣснопѣніяхъ. Ме-

таллическія изображенія яицъ клали въ храмахъ. (*Успенскій*, Опытъ повѣств. о древн. рус., 643). Зарывали яйцо въ томъ мѣстѣ, которое избиралось для построенія города; существованіемъ этого обычая объясняютъ преданіе, что Неаполь построенъ на яйцѣ (*Воеводскій*, Каннибализмъ, 3).

У древнихъ египтянъ яйцо было атрибутомъ Кнефа. Идолъ этого божества изображался гермафродитомъ, съ головой ястреба и съ яйцомъ въ устахъ. Изъ того яйца произошелъ фтасъ, или огонь (*Успенскій*, Опытъ повѣств., 642). Яйцо было также атрибутомъ солнечнаго бога египтянъ Пта. На одномъ сохранившемся барельефѣ Пта держитъ въ рукѣ яйцо, а изъ находящейся внизу пояснительной надписи видно, что это яйцо изображаетъ солнце. Другая надпись гласитъ, что Пта катаетъ яйцо свое по небу (*Рославскій-Петровскій*, Египетъ, 61).

Индійское преданіе о созданіи міра говоритъ о золотомъ яйцѣ, которое плавало въ водахъ, т. е. солнце на воздушномъ океанѣ (*Аванасъевъ*, Поэтич. возвр. слав., I, 535).

Греческіе и римскіе философы, исходя изъ народнаго міровоззрѣнія, происхожденіе вселенной вели отъ яйца (ab ovo). По преданію, записанному Геродотомъ, міръ созданъ изъ яйца, положеннаго баснословной птицей Фениксомъ въ святилищѣ Геліуса. Эти классическія сказанія отразились въ византійской литературѣ; такъ, въ одной рукописи: „о яйцѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина: небо и земля по всему подобны яйцу—скорлупа аки небо, плева аки облаци, бѣлокъ аки вода, желтокъ аки земля“ (*Аванасъевъ*, I, 536).

Римляне красили яйца и употребляли ихъ при различныхъ игрищахъ и обрядахъ, на что есть указанія у Ювенала, Овидія и Плинія (кн. 19 и 24). Плутархъ даетъ объясненіе, что яйцо изображаетъ творца, все въ себѣ заключающаго (*Успенскій*, 642).

Корнелій Брюнъ, бывший въ Персіи въ 1704 г., говоритъ, что персы на новый годъ (20 мая) привѣтствовали другъ друга подаркомъ разноцвѣтно окрашенныхъ яицъ (ib. 641).

Въ мифологіи полинезійцевъ видимый міръ олицетворенъ въ видѣ курицы, въ которой скрывался создатель міра богъ Тангароа. Онъ вышелъ изъ яйца. Изъ обломковъ этого яйца

образовались полинезийскіе острова (*Reville, Les religions des peuples non civilisés*, II, 25). Въ вариантѣ (съ о. Самоа) первоначально было только небо, а земля была покрыта водой. Тогда Тонгароа послалъ свою дочь въ образѣ бегаса на землю, и она отыскала остріе скалы, выдающейся надъ моремъ, и посѣяла землю и растенія (*Кристманъ и Оберлендеръ, Новая Зеландія и ост. острова Южн. океана*, 366).

Замѣчательно сходное сказаніе о сотвореніи міра представляетъ финская Калевала. Мать воды Ильматаръ жила сначала въ воздухѣ, потомъ спустилась на океанъ, покрывавшій всю землю. 700 лѣтъ она качалась на его волнахъ. Дикая утка, принявъ колѣно Ильматаръ за землю, устроила на немъ гнѣздо и положила одно желѣзное и 6 золотыхъ яицъ. Ильматаръ вздрогнула и яйца разбились и упали въ море. Изъ этихъ яицъ и образовался весь видимый міръ: изъ нижней части—земля; изъ верхней—небесный сводъ; изъ желтка—солнце; изъ бѣлка—мѣсяць (*Калевала*, въ пер. Гранстрема, 5).

Въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ славянскихъ народовъ сохранилось много остатковъ этого общечеловѣческаго космогоническаго мифа. Сказки на тему о происхожденіи міра изъ яйца записаны у поляковъ (*Zbiór wiadomości do antrop. kraj.*, II, 125), чеховъ (*Stranečka, Moravske ornamenty*, 8), хорутанъ (*Аванасьева, Поэт. возвр. слав.*, I, 531), въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ русскихъ сказкахъ этого мотива и родственныхъ имъ славянскихъ обнаруживается замѣна основныхъ элементовъ другими, какъ слѣдствіе затемнѣнія космогоническаго мифа: вмѣсто солнца, луны, земли изъ яйца выходитъ городъ, ярмарочная площадь и т. п. Въ малорусской сказкѣ о первомъ вѣкѣ творенія мышъ и воробей дѣлились просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ; но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это онъ получилъ яйцо, въ которомъ заключалось цѣлое царство (*Кулишъ, Записки о южн. Руси*, II, 31). Въ бѣлорусскихъ сказкахъ герой получаетъ золотое, серебряное и мѣдное яйца (обычное троеніе), которыя бросаетъ на землю, и изъ яицъ являются дворцы золотой, серебряный и мѣдный (*Романовъ, Бѣлор. сборн.*, III, 84—85).

Вариантомъ этихъ сказокъ можно признать тѣ многочисленныя сказки, въ которыхъ жизнь или смерть скрыты въ яицѣ. Въ великорусской сказкѣ душа Коша (Кошца) Безсмертнаго скрыта въ яицѣ, которое въ уточкѣ, а утка въ запертомъ сундукѣ. Иванъ царевич досталъ и разбилъ яйцо, послѣ чего умеръ и Кошъ Безсмертный (*Садовниковъ*, Сказки самарск. края, 201). Въ бѣлорусской сказкѣ смерть Кащея въ яицѣ, а яйцо въ птицѣ, а птица въ гнѣздѣ на камнѣ, подъ дубомъ, на одномъ островѣ (*Романовъ*, Бѣлор. сборн., III, 72). Тождественный рассказъ встрѣчается въ сказкахъ индійскихъ (у *Минаева*, 97, 109), во французской (*Cosquin*, Contes popul., № 15), въ сицилійской (у *Gensenbach'a*, Sicil. Märchen, II, 215), зулусской (*Басни и сказки* дикихъ народовъ, № 64). Сходные рассказы въ Калилѣ и Димнѣ (въ пер. *Аттаи*, 154) и въ одной древне-египетской повѣсти (*Maspero*, Contes pop. de l'Égypte ancienne, 182).

Доказательства солнечнаго значенія писанокъ находятся еще въ играхъ молодежи на Свѣтлой недѣлѣ и въ орнаментациі писанокъ; но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

О началѣ обыкновенія употреблять на Пасху красныя лица въ Греціи сохранилось особое преданіе, въ которомъ основательницей этого обычая является св. Марія Магдалина. По вознесеніи Спасителя на небо, св. Марія Магдалина, пришедъ въ Римъ для проповѣданія Евангелія, предстала предъ императоромъ Тиберіемъ, поднесла ему красное лицо и сказала: „Христосъ воскрес!“ Такимъ образомъ она начала свою проповѣдь. Первые христіане, узнавъ объ этомъ приношеніи св. Магдалины, начали подражать—дарить другъ другу лица. Константинъ Экономидъ (греческій ученый 30-хъ годовъ) въ одной рукописи X вѣка, находящейся въ монастырѣ св. Аванасія (вблизи Фессалоникъ), нашелъ замѣчаніе, что крапанки существуютъ отъ апостольскихъ временъ, такъ какъ начало обычая положила св. Магдалина (*Калинский*, въ Запискахъ геогр. общ. 1877, VII, 461).

Преданіе это извѣстно также въ Малороссіи. Въ с. Тарасовкѣ купянскаго у. харьк. губ. недавно записанъ слѣдующій рассказъ: „Марія Магдалина прійшла до гробу Господняго и не знайшла Господа. Ангель ей провозгласывъ, шо Христосъ

воскресъ, вона излякалась и зрадувалась и побигла до дому, прибигла и побачила крашении лица и каже „Христось воскресъ“ и забрала ти лица и, только выйшла зъ дому, а ий назустрить Апостоли святи; вона съ радощей стала давати имъ ти лица и казала „Христось воскресъ“ и цювались вони отъ радости. У Бога всякій шагъ человека по назначенью, вона давала лица, шо у неи большъ ничего не було, а то къ тому прийшлось, шо яйце мертве, а съ него живе курча выходе, такъ Христось бувъ мертвый и намъ дарувавъ жизнь“ (сообщила В. Н. Свѣтъ).

Въ полтавской губ. Ст. Руданскимъ записанъ слѣдующій прекрасный разказъ о происхожденіи крашанокъ: „Иденъ убогый нисъ соби до миста яйця продавати; але на той саме часъ вели жиды роспынаты Бога. И ото Богъ несе хреста тай падае, а вбогому и жалко стало, и кинувъ винъ кошикъ тай помогае Богови хреста нести. Допомигъ, коли вертае до кошика, ажъ тамъ уси его яйця стали крашанками та писанками (*Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 145).

Въ с. Араповѣ купянскаго у. записано два народныхъ толкованія. По одному писанки пишуть въ знакъ того, что когда жиды мучили Спасителя, то все тѣло его „попысали“ (т. е. избили бичами). По другому—„якъ воскресъ Исусъ Христось изъ мертвыхъ, то винъ и сказавъ тимъ жидамъ, шо стерегли Его гробъ: „идить и скажить всимъ: Христось воскресъ! А щобъ вамъ повірылы, нате вамъ оцей знакъ и давъ всимъ имъ по крашанци, котори винъ взявъ изъ своего гробу“ (сообщ. М. Д. Скубакъ).

Въ кубанской области въ Зеленчукской станицѣ записаны слѣдующія объясненія: въ 1) въ красный цвѣтъ красять лица потому, что изъ ребра Исуса Христа отъ прободенія истекла кровь; 2) лица красять въ память усѣченія главы Іоанна Крестителя: когда принесли голову, то Иродъ покраснѣлъ отъ стыда и жалости, и съ тѣхъ поръ даже плоды стали краснѣть (сообщила О. Проскура).

Въ станицѣ Бжедуховской записано слѣдующее толкованіе: однажды на первый день Пасхи нѣкій православный встрѣтился

съ знакомымъ евреемъ, шедшимъ съ базара, на которомъ онъ купилъ нѣсколько свѣжихъ куриныхъ яицъ. Православный предложилъ еврею похристосоваться, но еврей отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ крашанокъ, дабы помѣняться по православному обычаю съ русскимъ.

— А что же у тебя въ платкѣ? Кажется яйца? спрашиваетъ сей послѣдній.

— Да, отвѣчаетъ еврей, это яйца, но не крашенныя, а свѣжія.

И чтобы увѣрить въ этомъ православнаго, приподнялъ узелокъ, но, заглянувъ въ него, увидѣлъ, что бѣлыя свѣжія яйца превратились въ писанки. Опомнившись отъ изумленія, еврей похристосовался съ русскимъ и пожелалъ принять крещеніе (сообщ. А. Прасоловъ).

Въ Харьковѣ я слышалъ такой рассказъ: еврей не вѣрилъ, когда ему говорили, что Христосъ воскресъ. „Тогда я повѣрю, сказалъ онъ, указывая на яйца, когда эти бѣлыя яйца покраснѣютъ“, и яйца моментально обратились въ крашанки. Этотъ мотивъ представляетъ передѣлку весьма распространеннаго мотива объ ожившемъ пѣтухѣ. Во II т. „Объясненій малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ“ (колядки и щедривки) А. А. Потебни (с. 765) указана литература этой легенды. Въ сочиненіи Чайльда объ англійскихъ и шотландскихъ пѣсняхъ указаны многочисленные западно-европейскіе варианты этой легенды. Къ этимъ указаніямъ нужно добавить малорусскую легенду объ однобокой рыбѣ (изъ каневского у.) въ „Трудахъ“ Чубинскаго, I, 67.

Поляки сѣдлецкой губерніи говорятъ, что въ писанки обратились тѣ камни, которыми былъ убитъ св. Стефанъ перво-мученикъ; въ память объ этомъ событіи и приготавливаютъ теперь писанки (*Ulanowska*, въ *Zbiór wiadom.* VIII, 294). Въ с. Ропчицахъ записано другое польское преданіе о происхожденіи писанокъ: жиды, желая склонить Пилата къ смертному приговору надъ Іисусомъ, дарили дѣтямъ Пилата крашенныя лица (*Udziela, Piski*, 4).

Преданія о происхожденіи писанокъ встрѣчаются рѣдко. Большею частью крестьяне не даютъ объясненія обычая. „Са-

мые тщательные мои распросы, пишетъ мнѣ одинъ священникъ, у наиболѣе сообразительныхъ изъ престонародія лицъ въ моемъ приходѣ не дали нужныхъ свѣдѣній. Эти лица отвѣчали одно и то же: „такъ издавна ведется“.

Кромѣ приведенныхъ религіозныхъ преданій о происхожденіи писанокъ, другихъ отраженій ихъ въ литературѣ, кажется, не существуетъ, если не считать немногихъ пословицъ, напр. „хвора, хвора, а сама якъ пысанка“ (въ купянск. у.).

Общія названія писанокъ опредѣляются способомъ приготовления и цвѣтомъ ихъ.

Крашанками у малоруссовъ, поляковъ и великоруссовъ называются яйца, выкрашенныя въ одинъ цвѣтъ безъ узоровъ. Къ крашанкамъ относятся также яйца, выкрашенныя подъ дерево или подъ мраморъ. Въ Екатеринославщинѣ вообще всякое яйцо, даже дикой птицы, называется крашанкой: „горобьяча крашанка, дрохвыняча“ и т. п. Это расширеніе значенія крашанки произошло отъ того, что слово „яйцо“ считается у малоруссовъ екатерин. губ. неприличнымъ. Если кто имъ обмолвится въ компаніи, то конфузится, а присутствующіе смотрятъ на него удивленно—будто услышали что непристойное. Пасхальное красное яйцо называется „червона крашанка“.

Писанками у малоруссовъ великоруссовъ и поляковъ называются пасхальныя яйца, раскрашенныя въ два, три цвѣта и болѣе.

Piski—мѣстное польское (у Тарнова) названіе писанокъ.

Галунки въ подольской г. крашанки, отъ сл. галунъ—квасцы.

Malowanki—у поляковъ крашанки.

Rysowanki и *Wyszki*—мѣстныя польскія названія для писанокъ и крашанокъ.

Skrobanki—польскія писанки, на которыхъ рисункъ вырѣзанъ иглой или ножомъ.

Kraslicy у чеховъ и моравовъ крашанки и писанки.

Pyrič и *červenati*—хорутанскія названія для крашанокъ и писанокъ.

Marguczej—названіе крашеныхъ яицъ въ Литвѣ.

Районъ распространенія писанокъ обширенъ; но съ теченіемъ времени онъ все болѣе суживается и уменьшается. Въ

прошломъ вѣѣ писанки были извѣстны во всей Европѣ и въ передней Азіи (у грековъ и персовъ шитовъ). Нынѣ онѣ распространены почти повсемѣстно среди малоруссовъ (отъ Галиціи до Кубани), поляковъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, румынъ, грековъ, литовцевъ, латышей. Въ южныхъ великорусскихъ губерніяхъ въ ходу писанки, въ сѣверныхъ — деревянные крапанки. Въ восточной Сибири, по недостатку куръ, писанками служатъ пестрыя яйца дикихъ птицъ, добываемыя съ большимъ трудомъ на приморскихъ скалахъ (*Mazurewicz, Wisła, 1889, 713—714*). У малоазіатскихъ грековъ въ Чистый четвергъ несутъ въ церковь на Страсти столько писанокъ, сколько въ домѣ членовъ семейства; сохраняютъ эти писанки до Пасхи (*Carnoy et Nicolaidès, Traditions de l'Asie Mineure, 302*). Обрядовое употребленіе яицъ на Свѣтлой недѣлѣ весьма обычно въ въ Германіи (*Heineke, Revue d. trad. popul. 1889, VI, 351*); кое-гдѣ въ нѣмецкихъ странахъ сохранились и писанки. Во Франціи сохраняются еще одноцвѣтныя (красныя) крапанки. Онѣ были выставлены на съѣздѣ фольклористовъ въ Парижѣ въ 1889 г. (*Zmigrodzki, Wisła, 1889, 971*).

Время появленія писанокъ у русскихъ славянъ не поддается опредѣленію. Неизвѣстно, употреблялись ли писанки на Руси до принятія христіанства или же онѣ появились здѣсь подъ вліяніемъ христіанства, занесены сюда изъ Византіи и Болгаріи. Отрицать до-христіанское существованіе писанокъ на Руси вполне нельзя, если принять во вниманіе обширное религиозно-обрядовое употребленіе у древнихъ славянъ пѣтуха и куръ. Болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе о византійскомъ происхожденіи русскихъ писанокъ; на это указываютъ связанныя съ ними религиозныя преданія. Можно предположить, что онѣ проникли въ Россію въ глубокой древности, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ писанки были уже въ сѣверной и южной Руси. Въ московской Руси цари въ Свѣтлый праздникъ раздавали приближеннымъ яйца гусиныя, утиныя, куриныя, деревянные, расписанныя по золоту яркими красками. Приготовленіемъ такихъ яицъ къ празднику Пасхи въ старину въ московской Руси занимались пекари, иконописцы,

травщики оружейной палаты и монахи Троицко-Сергиевской Лавры (*Каминскій*, 461, вз. изъ Домаш. быта русск. царей, Забѣлина). Этотъ обычай привлекъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ, посѣщавшихъ московское государство; о немъ упоминаютъ Герберштейнъ, Іовій, Маржеретъ, Петрей, Олеарій и др. (*Терещенко*, Бытъ русск. нар., VI, 93). Въ XVIII ст. писанки и крашанки были въ употребленіи среди высшихъ слоевъ общества. Суворовъ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню, становился въ рядъ съ священниками и христовался со всѣми безъ разбора. Позади Суворова стояли деньщики съ корзинами крашенныхъ яицъ, и онъ каждому подавалъ яйцо, а самъ ни отъ кого не принималъ (*ib.*, 90). Въ помѣщичьихъ семьяхъ недавняго времени еще соблюдали подобный обычай; но затѣмъ обычай христосованія съ одариваніемъ писанками вышелъ изъ употребленія у интеллигентныхъ слоевъ общества, и крашанки удержались на пасхальномъ столѣ какъ украшеніе.

Бопланъ, служившій въ Украинѣ въ половинѣ XVII в., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ Страстную субботу (?) всѣ идутъ въ церковь, для присутствованія при церемоніи, которая состоитъ въ томъ, что кладутъ во гробъ изображеніе Спасителя и потомъ вынимаютъ оное съ большимъ торжествомъ. Послѣ сего мужчины и женщины, юноши и дѣвицы, преклонивъ колѣни предъ владыкою, т. е. епископомъ, подаютъ ему по яйцу, росписанному красною или желтою краской, говоря: „Христось воскресъ!“ Епископъ, взявъ яйцо, отвѣчаетъ: „Во истину воскресъ“, и цѣлуетъ женщинъ и дѣвицъ... Митрополитъ Могила, глава всѣхъ украинскихъ епископовъ, исполняетъ обрядъ сей въ Кіевѣ такъ же, какъ и самый бѣдный сельскій священникъ, который по малороссійски называется господиномъ (панъ отецъ). Въ продолженіи восьми дней нельзя выйти изъ дома безъ добраго запаса крашенныхъ яицъ, чтобы христосоваться оными со всѣми друзьями“ (*Бопланъ*, Описаніе Украинны, 77—79).

Время приготовленія писанокъ, за немногими исключеніями, четвергъ, пятница и суббота Страстной недѣли. Въ Черноморіи въ станицѣ Старокорсунской окрашиваніе яицъ

обязательно начинается въ Чистый четвергъ, когда зазвонять къ страстямъ. Въ этотъ день окрашивается не болѣе десяти лицъ, которыя завязываются въ особый узелокъ и такъ остаются до перваго дня Пасхи (сообщ. Мишневъ). Тоже соблюдается во многихъ другихъ мѣстностяхъ Черноморіи. Въ Зеленчукѣ красятъ въ четвергъ, а при надобности и въ остальные два дня Страстной седмицы, причемъ успѣваютъ за это время въ большей семьѣ окрасить около сотни яицъ (сообщ. Проскура). Тожественный обычай существуетъ у малоазіатскихъ грековъ въ окрестностяхъ Смирны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши. Въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ писанки начинаютъ готовить исподоволь съ начала или съ половины поста, а крапанки на послѣднихъ дняхъ Страстной седмицы. Въ Барсуковской станицѣ кубанской области крапанки готовятъ въ Страстную субботу, а писанки съ 5 недѣли Великаго поста (сообщ. К. Донцовъ). Такое же обыкновение бытуетъ въ с. Калиновкѣ купянскаго у. (сообщ. г. Пелиховъ), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши (*Wisła*, 1890, IV, 824). Въ сѣверныхъ частяхъ польскихъ этнографическихъ предѣловъ красятъ яйца отъ Проводской недѣли до Зеленыхъ святокъ (*ib.*, 824). У Тарнова готовятъ писанки съ полудня понедѣльника Свѣтлой недѣли до Зеленыхъ святокъ (*Udziela*, 4). Въ Босніи—отъ Великой пятницы до Вознесенія (*Гласник зем. Музея*, 1889, III). Вообще, время приготовления писанокъ обусловливается случайными соображеніями экономическаго свойства.

Окрашиваніе яицъ въ четвергъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ станицѣ Гурійской, кубанской области, обусловлено тѣмъ повѣрьемъ, что если покраска яицъ произведена въ четвергъ Страстной недѣли, то таковыя писанки и крапанки не протухаютъ въ теченіи двѣнадцати дней и болѣе, въ какомъ бы мѣстѣ онѣ ни хранились, тогда какъ другія крапанки, буде онѣ изготовлены раньше четверга или позже, скоро портятся и дѣлаются негодными къ употребленію (сообщ. Лапушнякъ).

Окраска яицъ производится исключительно женщинами, въ однихъ мѣстахъ дѣвушками, въ другихъ, гдѣ обычай уже

погибаетъ, немногими старухами. Кое-гдѣ съ упадкомъ обычая выступили на сцену маляры. У поляковъ (*Udziela*, 5; *Wisła*, 1890, II, 461) и у малоруссовъ каменецъ-подольской губерніи ямпольскаго у. (сообщ. Савинова) расписываютъ яйца дивчата. Онѣ сходятся по 2, по 3 и болѣе въ одной хатѣ и весело принимаются за пріятную работу, иногда въ присутствіи парубковъ. Въ харьковской губерніи работаютъ большею частью старухи, въ одиночку.

Въ опытныхъ рукахъ расписываніе идетъ бойко, и яйцо быстро покрывается изящнымъ рисункомъ. Вотъ какъ описываетъ г. Глинскій работу лучшей мастерицы писаночнаго дѣла въ с. Гульчѣ острожскаго уѣзда Маріи Суходоловой: „Суходолова не только ознакомила меня съ теоріей своего искусства, но и познакомила меня съ нимъ практически. Она показала всѣ необходимыя принадлежности писаночнаго дѣла и въ моемъ присутствіи расписала въ простую писанку одно яйцо. Суходолова положительно поражаетъ въ этомъ дѣлѣ ловкостью пріемовъ и пріобрѣтеннымъ навыкомъ. Расписываніе писанки въ довольно сложный узоръ у ней шло такъ же скоро и ловко, какъ переписка у любого каллиграфа. Держа яйцо въ указательномъ и большомъ пальцахъ лѣвой руки, она держала кисточку въ правой рукѣ, какъ писчее перо, и слегка касалась яйца правымъ мизинцомъ, чтобы фиксировать пишущую руку. Линіи изъ подъ кисточки выходили совершенно ровныя и правильныя“ (*Емисав. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Мѣстами приготовленіе писанокъ обставлено нѣкоторой обрядностью. Въ каменецъ-подольской губерніи и въ кубанской области къ приготовленію писанокъ приступаютъ отговѣвшись. Въ слоб. Анниной лебед. у. женщина, приготовляющая писанки, воду для мойки яицъ и составленія красокъ беретъ изъ долины снѣговую, неся эту воду рано утромъ, не поворачиваясь назадъ или въ сторону, при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо не здоровается и не отвѣчаетъ ни на привѣтствія, ни на вопросы, словомъ, соблюдаетъ строгое безмолвіе (сообщ. Дмитріевъ). Здѣсь къ обычаю раскраски яицъ примкнуло повѣрье о таинственно-цѣлеб-

номъ и могущественномъ значеніи непочатой воды, повѣрье, бытующее въ Россіи, Германіи и Франціи.

Въ с. Гульчѣ острожскаго у. лица держатъ въ краскѣ въ теченіи двухъ или трехъ „Отченашей“, т. е. такого времени, сколько требуется, чтобы прочесть два, три раза молитву „Отче нашъ“ (*Елисавет. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Принадлежностей писаночнаго дѣла немного: горшокъ съ воскомъ, черепокъ съ горячими угольями, на которыхъ растапливается воскъ, кисточка домашняго издѣлія и краски. Эти простыя принадлежности, въ особенности краски, заслуживаютъ вниманія.

Краски бываютъ домашняго изготовленія или покупныя. Первые добываются изъ тѣхъ растеній, которыя входятъ въ мѣстную огородную или лѣсную флору. Такъ:

Желтая краска добывается изъ коры дикорастущихъ яблонь, изъ шелухи лука или, что встрѣчается рѣже, изъ цвѣтковъ бузины. Желтая краска получается такимъ образомъ: въ горшокъ складывается яблонная кора или шелуха лука, наливается холодной водой и кипятится. Въ станицѣ Барсуковской кубан. обл. цвѣтъ темно-желтый или „гавановый“ получается изъ шелухи спѣлаго лука, а свѣтло-желтый изъ мѣстнаго цвѣтка серпія (сообщ. Донцовъ). Въ купянскомъ у. желтую краску добываютъ изъ отвара купавокъ—*Purethrum cor.* (сообщ. П. В. Ив.), у поляковъ—изъ желтыхъ цвѣтковъ *Caltha palustris* (Udziela).

Синій цвѣтъ добывается въ ст. Удобной кубанской области изъ луковичнаго растенія, называемаго толкачки, по цвѣту—синька. Это растеніе рано показывается изъ земли вмѣстѣ съ подсыѣжникомъ; если перекипятить краску, то лица окрашиваются въ темно-синій и черный цвѣта (сообщ. Жуковъ). Въ екатеринославской губ. изъ отвара гречаной половы получается цвѣтъ индиго (сообщ. Манжура), въ харьк. губ. изъ сушеныхъ цвѣтовъ синей мальвы *Althea rosea* (сообщ. П. В. И.).

Голубая краска для писанокъ въ кубанской области добывается изъ весеннихъ цвѣточковъ кіечки, иначе называемыхъ барашки (с. Кобеляцкаго).

Зеленая краска добывается изъ ягодъ черники или ягодъ дикорастущей бузины, которыя растираются съ растворомъ желтой краски въ кашлицу (въ Подоліи), изъ сережекъ осины или „котиковъ“ (тамъ же), изъ листьевъ жита (у поляковъ), изъ цвѣтовъ темно-красной рожи въ соединеніи съ желтой краской (харьк. губ.), изъ пролѣсковъ—scilla (харьк. и екат. губ.), изъ мха (у поляковъ варшавск. губ.).

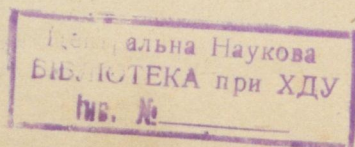
Черная краска съ сизымъ отливомъ цвѣта воронова крыла добывается изъ коры ольхи (сообщ. Прасолова) и молодыхъ листьевъ черноклена—*Acer tataricum* (сообщ. П. В. И.).

Красная краска въ Полѣсьѣ изъ мѣстной кошенили или „червеца“ (*Левченко*, въ Зап. ю. в. о. географическ. общ., II, 149).

Мраморная краска получается изъ смѣшенія навары сухихъ листьевъ съ сытовымъ медомъ или чаще отъ заворачиванія яицъ въ цвѣтную бумагу или лоскутки ситцевой матеріи.

Красный и синій цвѣта въ настоящее время получаютъ большею частью отъ анилиновыхъ красокъ. Фуксинъ и мителеновая синька, благодаря своей дешевизнѣ и цвѣтовымъ достоинствамъ во многихъ мѣстахъ вытѣснили старинныя краски домашняго приготовленія. Мѣстами слышится еще протестъ противъ фуксина. Такъ, въ с. Кубанскомъ куб. обл. записано народное повѣрье, что грѣшно красить пасхальныя яйца въ фуксинъ, но почему грѣшно, никто не можетъ объяснить, и въ самомъ с. Кубанскомъ фуксинъ оказывается наиболѣе употребительной краской при окрашиваніи пасхальныхъ яицъ (сообщ. Дружининъ). Крестьяне считаютъ фуксинъ ядовитой краской и называютъ ее „въѣдливой“, такъ какъ скорлупа яйца окрашивается не только снаружи, но и внутри, а при скважинѣ окрашивается и бѣлокъ. Красный сандалъ и фуксинъ покупаются въ лавочкахъ или вымѣниваются (въ кубан. обл.) у мелкихъ подъвзающихъ къ каждому двору торговцевъ за яйца, щетину и свиное сало (сообщ. Проскура).

Кромѣ красокъ для приготовленія писанокъ необходима еще обезцвѣчивающая жидкость. Таковой большею частью бываетъ бураковый квасъ или растворъ квасцовъ (галунъ).

Единственнымъ орудіемъ при раскраскѣ яицъ служить тонкая жестяная трубочка около сантиметра длиною, укрѣпленная нитками въ разщепленіи одного конца небольшой палочки. Трубочки изготовляются самими мастерицами изъ кусочковъ тонкой жести, которую для образованія трубочки загибають на иголкѣ. Кисточки употребляются разныхъ калибровъ, смотря по тому, какой толщины требуются линіи въ рисункѣ писанки. При расписываніи трубочка обмакивается въ растопленный воскъ и однимъ концомъ трубочки выводится задуманный узоръ. Такъ готовятъ кисточку на Воляни въ острож. у. (*Елисавет. Вѣст.*, 1889, № 103).

Въ куцянскомъ у. харьк. губ. кисточка готовится такимъ же образомъ изъ четырехъ-угольнаго кусочка фольги (длиною около дюйма и шириною въ $1\frac{1}{2}$ линіи), загнутаго на иголкѣ (сообщ. Скубаць и Пелиховъ).

Въ д. Кислицкой ямпольскаго у. каменецъ-подольской губ. кисточка готовится слѣдующимъ образомъ: Одна изъ дѣвущекъ вынимаетъ изъ уха сережку, отламываетъ отъ нея „дроть“, т. е. то металлическое колѣнце, которое продѣвается въ ухо; этотъ дротъ привязывается къ деревянной палочкѣ, и дѣвушка говоритъ: „треба разводити писанки!“ Это значитъ, что пора приступить къ дѣлу. Дротъ, прикрѣпленный или привязанный къ палочкѣ, называется кисточкой. Кисточка обмакивается въ растопленный воскъ и на яйцо кладутся восковые узоры.

Тожественная съ волянской и харьковской польская кисточка — „pisak“ (*Wisła* 1890, 820), сходная сербская — „шараликъ“ (*Гласник. з. муз.*, 1889, III).

Кисточки, употребляемыя на Воляни, въ Харьковщинѣ и въ Польшѣ, представляютъ то удобство, что воскъ располагается по ялицу равномерно, ровными линіями. Отъ серьги же и т. п. орудій получаютъ утолщенные концы линій.

Въ ст. Кубанской губ. обл. поверхность яйца поливають воскомъ изъ соломенной трубочки (сообщ. Дружининъ).

Въ некоторыхъ мѣстахъ, напр., Неберджаевской станицѣ куб. обл., держать восковую свѣчу въ наклонномъ положеніи, чтобы частицы расплавленнаго воска отдѣлялись отъ свѣчи, и

выводят на скорлупѣ яйца разныхъ фигуры (сообщ. Щ.). При такой раскраскѣ не можетъ быть и рѣчи о той тонкости, правильности и изящности рисунка, какія свойства имѣютъ писанки, разрисованныя посредствомъ трубочки—кисточки.

Приготовление писанокъ обыкновенно идетъ такъ: когда сдѣланъ или написанъ на натуральномъ фонѣ яйца узоръ, яйцо кладутъ обыкновенно прежде всего въ растворъ желтой краски. Вынувъ изъ краски, мы, слѣдовательно, получимъ желтый фонъ и на немъ бѣлый узоръ, такъ какъ краска не могла окрасить только тѣхъ мѣстъ, которыя были покрыты воскомъ. По желтому фону опять пишутъ воскомъ и кладутъ въ зеленую краску; получится, слѣдовательно, зеленый фонъ и на немъ узоръ бѣлаго и желтаго цвѣта. По зеленому фону пишутъ опять и яйцо опускаютъ въ „бураковый квасъ“ для обезцвѣчиванія: получится опять вмѣсто зеленого фона—фонъ натуральной яичной скорлупы, и затѣмъ яйцо опускаютъ или въ красную, или въ синюю краску, смотря по желанію. Опускать яйцо въ красную или синюю краску безъ предварительнаго обезцвѣчиванія отъ предыдущей краски нельзя, потому что отъ смѣшенія зеленой съ красной не можетъ получиться красный цвѣтъ, а равно также не получится синій цвѣтъ требуемаго тона отъ смѣшенія зеленого съ синимъ. Красить же яйцо непосредственно послѣ желтой въ зеленой краскѣ напротивъ рекомендуется, какъ лучшее средство сдѣлать зеленую краску болѣе интенсивной и болѣе прочной. Что касается обезцвѣчиванія, то требуется послѣ опусканія яйца въ „бураковый квасъ“ хорошенько вытереть яйцо сначала суконной, а затѣмъ полотняной тряпочкой. Когда яйцо выкрашено въ красной краскѣ, по красному фону опять пишутъ воскомъ и т. д. Такимъ образомъ рисунокъ писанки можетъ состоять изъ нѣсколькихъ цвѣтовъ, смотря по желанію пишущей. Фономъ писанки будетъ тотъ цвѣтъ, въ какую краску было опущено яйцо въ послѣдній разъ. Если желательно имѣть фономъ натуральный цвѣтъ яичной скорлупы, то яйцо въ заключеніе обезцвѣчиваютъ. Когда окраска и расписываніе закончены, яйцо слегка нагрѣваютъ передъ пламенемъ, чтобы обтаялъ воскъ и затѣмъ уже готовые писанки пекутъ, для чего ставятъ ихъ

въ мискѣ въ не очень горячую печь на 10—15 минутъ. Этимъ и заканчивается вся техническая сторона дѣла. Описанный методъ даетъ писанкамъ не только хорошаго тона краски, но и сообщаетъ послѣднимъ довольно значительную прочность. Что же касается самихъ манипуляцій расписыванія, то онѣ требуютъ не мало времени, терпѣнія и ловкости.

Этотъ способъ разрисовки яицъ встрѣчается въ Малороссіи, Галичинѣ, въ кубанской области, у поляковъ, чеховъ, боснійскихъ сербовъ.

Иногда прибѣгаютъ къ такому способу: окрашиваютъ яйцо и потомъ острой иглой или ножикомъ вырѣзываютъ рисунокъ.

У литовцевъ и поляковъ такія писанки называются скробанками. Обычай этотъ бытуетъ у литовцевъ ковенской и ломжинской губ. (*Wisła*, 1890, 822), у чехо-моравовъ, извѣстенъ въ Великороссіи, на что есть указаніе въ „Пошехонской Старинѣ“ Салтыкова (стр. 264 въ изд. 1890 г.), извѣстенъ и въ Малороссіи. (Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косачевой, см. писанку подъ № 6; по окрашенному въ красный цвѣтъ яйцу ножомъ выпарываютъ цвѣты).

Въ монастыряхъ и въ семьяхъ интеллигентнаго общества способы приготовления писанокъ весьма разнообразны и искусственны: обклеиваютъ яйца разноцвѣтными кусками шелковой матеріи или картинками, обклеиваютъ волошскіе орѣхи воскомъ и на немъ проводятъ разноцвѣтныя нити и проч. Городскихъ и монастырскихъ писанокъ мы не касаемся.

Обрядовое употребленіе крашанокъ и писанокъ приурочено къ послѣднимъ днямъ Великаго поста, Свѣтлой и Ѳоминой недѣлямъ, преимущественно къ первымъ днямъ Пасхи.

Въ Бжедуховской станицѣ кубанской области, прикладываясь въ Страстную пятницу къ плащаницѣ, кладутъ около нея красныя яйца (сообщ. Прасолова).

Въ купянскомъ у. харьк. губ. одинъ изъ членовъ семейства выстѣиваетъ дѣянія и утреню въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье въ писанкой въ карманѣ, которую затѣмъ сохраняетъ, какъ домашній талисманъ, въ теченіе года (сообщ. Педлихова).

На Волыни писанками украшают корзины съ хлѣбомъ, когда несутъ его въ церковь святить (*Елисавет. Вѣстн.* 1889, № 103).

Обычно употребленіе крашанокъ и писанокъ при разговѣніи и христосованіи. Въ Малороссіи, кубанской области (по сообщ. Мишнева), въ Галиціи („*Зоря Галицкая*“ 1907) начинаютъ разговляться съ освященнаго краснаго яйца.

На Волыни писанки идутъ на пасхальные подарки почетнымъ и уважаемымъ лицамъ (*Елисавет. Вѣстн.* 1889, № 103).

Дѣвушки дарятъ писанки своимъ женихамъ; изрѣдка на оборотъ парубки дивчатамъ. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“ мастерица Оришка приготовила „хорошу та гарну писанку Тымоси, писаревому сыну, то отъ се писля Провидь подае за нѣго рушныкы, а писля Ушѣстья на Ключалный, и весилля буде“. Въ Подоліи на третій день Свѣтлой недѣли хлопцы начинаютъ музыку и приглашаютъ дивчатъ танцовать, а дивчата при этомъ одариваютъ парубковъ писанками (сообщ. Савинова). Въ купянскомъ у. (с. Тарасовкѣ) женихъ обязательно даритъ невѣстѣ писанку (сообщ. Свѣтъ).

Въ Старой Сербіи молодки (того года обвѣнчанныя) на другой день Пасхи послѣ крестнаго хода на улицѣ обходятъ вмѣстѣ съ свекровьями мужчинъ, дая каждому по два красныхъ яйца (*Истремовъ, Об. и пѣс. турец. сербовъ*, 121).

По чешскому народному повѣрью обмѣнъ крашанками скрѣпляетъ дружбу (*Stranecka*, 10).

Въ Кіевщинѣ и въ Подоліи на второй день Пасхи дѣти идутъ христосоваться по хатамъ; крашанки и писанки у хозяйки лежатъ на припечкѣ, а пасха на столѣ; если хозяйка довольна, она даетъ дѣтямъ по яйцу; если недовольна—по ломтю пасхи (сообщ. Савинова; *Максимовичъ, Собр. соч.*, II, 471).

Въ Кіевщинѣ и въ Галиціи на второй день Пасхи еще на разсвѣтѣ парубки ходятъ по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослые дивчата, и если застаютъ спящей или неодѣтой, то обливаютъ водой. Дѣвушки заблаговременно поджидаютъ ихъ и кладутъ имъ въ ведро пару крашанокъ (*Максимовичъ, Собр. соч.*, II, 472). Обычай этотъ существуетъ издавна. Бопланъ въ „Описаніи

ниі України“ (1650 г.) говорить: „утромъ на другой день Пасхи молодые люди толпами разгуливаютъ по улицамъ, ловятъ встрѣчающихся дѣвиць, ведутъ плѣнницъ къ колодцу и обливаютъ съ головы до ногъ 5 или 6 ведрами воды, такъ что на бѣдненькихъ не остается сухой нитки. Эта забава дозволяется только до полудня. Во вторникъ настаетъ очередь для дѣвиць, которыя мстятъ шалунамъ съ большой хитростью: притаившись въ какомъ нибудь домѣ и приготовивъ кружки съ водою, онѣ ставятъ на караулъ дѣвочку, которая при появленіи молодаго человѣка подаетъ знакъ; дѣвицы выбѣгаютъ изъ засады и ловятъ его съ ужаснымъ крикомъ, на который сбѣгаются подружки ихъ изъ сосѣднихъ домовъ. Двѣ или три сильныя дѣвушки держатъ молодца за руки, а прочія окачиваютъ его водою изъ кружекъ“ (стр. 79).

Обычай этотъ встрѣчается и за предѣлами Малороссіи. Въ Чехіи онъ называется помлазкой и состоитъ въ томъ, что молодые люди, парни и дѣвицы, сначала бьютъ другъ друга вербовыми вѣтками, а потомъ одариваютъ другъ друга писанками, или краслицами. Въ чешскихъ письменныхъ памятникахъ XIV в. упоминается уже этотъ обычай, съ указаніемъ, что и писанки при этомъ употреблялись. Въ одной церковной проповѣди 1610 г. находится подробное описаніе помлазки въ Прагѣ; на улицахъ продавались разукрашенные прутья; парни покупали ихъ, ходили съ ними по улицамъ и били женщинъ по рукамъ, требуя себѣ писанокъ. Наравнѣ съ пасхальной помлазкой въ Чехіи издавна бытуеть обычай обливанія водой и одариванія писанками (*Zibrť, Staročeske vyročni obyčejě, 77—83*).

Обычай пасхальнаго обливанія водой съ одариваніемъ писанками былъ, а мѣстами и нынѣ сохраняется у поляковъ. У витебскихъ латышей обрызгиваютъ водой и одариваютъ яйцами пастуховъ на Юрьевъ день, при выгонѣ въ поле скота. (*Вольтеръ, Матер. для этногр. латыш. племени, 3*). Сходные обычаи нѣмецкіе и славянскіе, см. въ „Поэтич. воззрѣніяхъ“ *Лаваньска, (III, 490—492)*.

Сопоставляя эти весенніе обычаи, можно прийти къ тому заключенію, что въ основѣ лежитъ символическое изображеніе

весенней природы, приче́мъ яйцо означаетъ солнце, вода—дождь и самый обрядъ выражаетъ желаніе плодородія, а въ переносномъ на людей смыслѣ силы, здоровья и радости.

Красное яйцо даетъ здоровье, силу и красоту. Крестьяне, слышавъ впервые весенній громъ, умываются съ краснаго яйца на красоту, счастье и здоровье. На Юрьевъ день, выгоняя скотъ въ поле, гладятъ лошадей по хребту отъ головы до хвоста пасхальнымъ яйцомъ и приговариваютъ, „какъ личко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будь и гладка, и сыта“ (*Аванасьевъ* Поэт. возвр., I, 538). Въ Купянскомъ у. харьк. губ. въ Страстную субботу кладутъ въ воду двѣ крашанки и монету. Собираясь къ заутренѣ въ Свѣтлое Воскресенье, умываются этой водой или всё члены семейства, или только молодежь для получения здоровья и красоты.

Красное яйцо даетъ также плодородіе. Въ Великороссіи на праздникъ Пасхи крестьяне ставятъ на столъ кадку съ зернами пшеницы, зарывая въ ней яйцо, и зерна эти берегутъ для посѣва. Отправляясь сѣять ленъ, кладутъ въ мѣшокъ, наполненный сѣменами, яйца, а при посѣвѣ конопля разбрасываютъ по полю яичную скорлупу. Въ день Вознесенія ходятъ на поля, засѣянная рожью, и подкидываютъ кверху красныя яйца, чтобы рожь такъ же высоко поднялась, какъ подброшенное яйцо (*Аванасьевъ*, I, 537). Въ лебединскомъ у. харьк. губ. изъ пасхальныхъ яицъ оставляютъ пару крашанокъ до Юрьева дня (23 апр.), а въ этотъ день идутъ на жита, качаютъ крашанки по зелени и зарываютъ ихъ въ землю на пивѣ, чтобы хлѣбъ былъ полный и не вылегалъ. Во время сбора хлѣба откапываютъ зарытыя яйца (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи закапываютъ на нивѣ скорлупу пасхальныхъ яицъ (*Stranečka*, 9).

Еще въ 1856 г. Максимовичъ замѣтилъ въ статьѣ „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“, что пасѣчникъ (въ Кіевщинѣ) идетъ на пасѣку похристосоваться съ своими пчелами и несетъ имъ безконечникъ—писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или поутній улей, называемый хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ, и главный улей, Зосимъ, стоитъ всегда середь пасѣки

(Собр. соч., II, 472). Точно такое обыкновеніе существуетъ нынѣ въ купянскомъ уѣздѣ (сообщенія изъ двухъ селъ NN и Склобинской). Въ екатериносл. губ. скорлупа отъ освященныхъ яицъ идетъ на весеннюю закормку пчелъ (сообщ. Манжуры).

Въ купянскомъ уѣздѣ крапанчи или только скорлупа отъ нихъ предохраняютъ хлѣбъ отъ мышей: когда привезутъ съ поля снопы новаго хлѣба, то, положивъ накрестъ четыре снопа, кладутъ подъ нихъ скорлупу крапанокъ и кости отъ пасхальнаго поросенка, и затѣмъ накладываютъ стогъ.

Въ лебединскомъ уѣздѣ пару первыхъ крапанокъ откладываютъ отдѣльно и берегутъ въ домѣ, какъ средство, предотвращающее громовой ударъ надъ дворомъ (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи для предохраненія избы отъ громоваго удара бросаютъ черезъ нее яйцо, снесенное въ зеленый четвергъ и освященное на Свѣтлый праздникъ (*Stranečka*, 7; *Аванас.*, I, 538).

Въ Великороссіи при пожарахъ обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія яйцо, которымъ христосовались въ первый день Свѣтлаго праздника, и вѣрятъ, что огонь далѣе не распространится. Яйцо это, брошенное въ пламя пожара, тотчасъ погашаетъ его (*Аван.*, I, 538). Въ купянскомъ у. сохраняютъ пасхальное яйцо, полученное въ церкви отъ священника, какъ предохранительное средство отъ пожара (сообщ. Свѣтъ). Въ томъ же уѣздѣ записано повѣрье, что въ случаѣ пожара помогаетъ первая пара яицъ, окрашенная во время выноса плащаницы (сообщ. NN). Въ Неберджаевской станицѣ кубанской области предохранительнымъ средствомъ отъ пожара считается писанка, полученная въ первый день Пасхи отъ священника. Въ случаѣ пожара эту писанку бросаютъ въ ту сторону, откуда дуетъ вѣтеръ, чтобы дать ему другое направленіе (сообщ. П. Ц). Точно такой обычай существуетъ у хорватовъ.

Писанкамъ приписывается еще важное лѣчебное значеніе. Въ с. Калиновой купянского у., если кто давно страдаетъ лихорадкой и ничто не помогаетъ, то на шею больнаго вѣшаютъ крапанку, которая была въ церкви въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье (сообщ. Пелихова). Тожественное повѣрье записано въ кубанской области. Въ Тенгинской станицѣ больныхъ ли-

хорадкой окуривают скорлупой освященных писанок или вѣшают скорлупу на шею (сообщ. Расавскаго). Тоже и въ Старокорсунской станицѣ (сообщ. Мишнева).

Въ лебединскомъ у. и на Кубани крашанками лѣчатъ отъ желтяницъ: засушиваютъ нѣсколько свяченыхъ крашанокъ, растираютъ въ порошокъ желтокъ и даютъ съ водою во время разлитія желчи (сообщ. Мишнева) или подкуриваютъ большого желтяницами скорлупами крашанокъ (сообщ. Дмитріева).

Въ с. Араповкѣ купянскаго у. крашанки употребляются какъ лѣкарство отъ рожги или бышихи (сообщ. Скубака).

Писанки имѣютъ важное предохранительное значеніе отъ сглазу и порчи коровъ вѣдьмами, а также и отъ порчи куръ. Въ купянскомъ уѣздѣ и на Кубани распухшее вымя подкуриваютъ писаночной скорлупой (сообщ. Склобинской, Товпекина и Дудка). Особенно характерно употребленіе писаночныхъ скорлупъ и другихъ освященныхъ остатковъ пасхальнаго стола, какъ оберега отъ колдовства, въ станицѣ Зеленчукской кубанской области. Собравъ остатки (скорлупу, хлѣбныя крошки и т. п.), просверливаютъ рогъ у коровы, предварительно окропленной святой водою, и залѣвливаютъ щель. Дѣлаютъ это для охраны коровы отъ чародѣйской порчи (сообщ. О. Проскура).

Въ купянскомъ у. и на Кубани писанки несутъ на кладбище и кладутъ на могилы или зарываютъ въ землю. Въ с. Араповкѣ отмѣченъ такой обычай: „На велькдень йдутъ на кладовыще и закопуютъ писанки; на другой день одкопуютъ и роздаютъ дитямъ. Якъ вси крашанки цилы, такъ значить душа покойныка угодна Богу, а якъ собаки або хто другой ихъ поодрыва, такъ душа невгодна Богу и незвисно чимъ помогты тій души“ (с. Скубакъ). Существуетъ повѣрье, что если положить на могилу ту крашанку, которая впервые была получена на Пасху, то покойникъ слышитъ все, что говорятъ ему (сообщ. Донцова, Пелихова, Проскуры). Въ Старокорсунской станицѣ въ первый день Пасхи старшій въ семьѣ несетъ въ церковь писанки, приготовленныя въ четвергъ и раздаетъ ихъ на поминовеніе младенцевъ, умершихъ некрещеными (сообщ. Мишнева). Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ замѣченный въ

купянскомъ у. обычай бросать скорлупу писанокъ въ рѣку для русалокъ и утопленниковъ. По народнымъ преданіямъ въ старину ходили къ рѣкѣ христосоваться съ русалками и раздавали при этомъ крашанки и писанки, покотивъ ихъ предварительно по берегу (сообщ. Скубазь). Послѣдняя подробность приводитъ къ весьма распространенной игрѣ въ „котка“.

Древнѣйшія документальныя свидѣтельства о катаніи яицъ на Пасху относятся къ XIV в., а о битвѣ яицъ къ XVII в.

Въ Россіи монастырскіе указы XVII в. запрещаютъ пасхальную игру въ битки яицъ (Аванас., I, 537). Можно предположить за этими играми глубокую древность, если вѣрно наше мнѣніе, что въ обычай катить яйцо нѣкогда символически выражалось движеніе солнца по тверди небесной. Въ Великороссіи эта дѣтская игра обычна въ настоящее время. Наглядно ея можно видѣть на рисункахъ Каразина и Васнецова въ № 12 „Нивы“ 1885 г.

Мѣстные малорусскіе варианты игры въ пасхальныя яйца незначительны.

Въ купянскомъ у. харьковской губ. различаютъ двѣ игры въ крашанки: 1) навбытка и 2) навкотка. Навбытка играютъ такъ: мальчикъ, постукавъ носкомъ и гузкою яйца о свои зубы, выбираетъ битокъ. Онъ держитъ въ рукѣ яйцо такъ, чтобы былъ виденъ только носокъ его, въ который бьетъ носкомъ своего яйца другой мальчикъ. Затѣмъ бьютъ гузкою по гузку. Выигрываетъ тотъ, у кого яйцо осталось цѣлымъ. Въ навкотка играютъ такимъ образомъ: катаютъ по желобочку изъ лубка яйца, иногда просто съ бугорка и чье яйцо, катясь, ударится или цокнетъ о другое, тотъ выигрываетъ (Ивановъ, Игры крест. дѣт., 41). При этомъ дѣло не всегда ведется дѣтми начисто: иногда дѣти за нѣсколько дней до праздника готовятъ крѣпкія битки такимъ образомъ: прокалываютъ шиломъ дырочку въ скорлупѣ, выпускаютъ содержимое яйца и наливаютъ воску, отчего яйцо дѣлается крѣпкимъ. Дѣлаютъ также искусственныя яйца изъ крупичатого тѣста и окрашиваютъ красной краской (сообщ. Скубазь).

Въ Полтавщинѣ отмѣчена тожественная игра въ навбитки (Сементовскій, въ Маякѣ, 1843. XI).

Въ екатеринославской губ. играютъ „у слипца“ и „у китця“. Первая игра ведется такъ: играющихъ двое. Одинъ ставитъ яйцо на конь, а другой отходитъ на нѣсколько шаговъ и плотно закрываетъ шапкою глаза. Затѣмъ разъ или нѣсколько оборачивается кругомъ, обыкновенно чѣмъ дальше лежитъ яйцо—тѣмъ оборотовъ меньше, напр. одинъ, а чѣмъ ближе тѣмъ больше (не больше 3-хъ), и затѣмъ идетъ къ яйцу. Если пойдетъ по его направленію и остановится около него, то выигрываетъ. У китця—тоже играютъ двое. Одинъ кладетъ яйцо на конь, а другой, отошедши на условленное разстояние, становится въ солдатскую позицію (пятки вмѣстѣ, носки врозь), перегибается и опускаетъ руку съ яйцомъ къ землѣ такъ, чтобы она какъ разъ приходилась между носками сапоговъ и тихо катить яйцо. Если попадетъ въ поставленное, то и выигрываетъ. „Навбитки“ встрѣчаются рѣдко, какъ случайность, а не игра. (Сообщ. И. П. Манжура).

Въ кievской губ. (каневского у.) „котючка“, или катаніе писанокъ бываетъ въ первые два дня Пасхи, а „навбитки“ въ первые три дня Пасхи и на проводы. Эти игры почти тожественны съ харьковскими навбитки и навкотки (Чубанскій, Труды, IV, 43).

Въ Галиціи существуетъ также игра въ навбитки „проба писанокъ“. Парубки играютъ писанками, полученными отъ дивчатъ (Лозинскій, „Зоря Галицкая“, 1860, 509).

Въ вубанской области дѣти также играютъ въ „битки“ и „катанье“ или „навбитки“ и „катки“ (сообщ. Донцева и Дудка).

Игра въ крашанки не ограничивается Свѣтлой и Проводской недѣлями. Во многихъ мѣстахъ Украины дивчата послѣ обѣда въ Юрьевъ день выходятъ катать крашанки въ поле на житахъ и тамъ закапываютъ ихъ въ землю до начатія жатвы (Максимовичъ, Собр. соч., II, 485).

У поляковъ плодской губ. на Пасху дѣти и взрослые играютъ въ битки и котки, причемъ самыя игры эти тожественны съ малорусскими (Zbiór Wiadomości, II, 17).

Что игра „у китця“ имѣетъ мнѣо-символическое значеніе, видно изъ того, что она бываетъ у латышей весной въ честь солнечнаго бога Усеня. Когда пастухи въ первый разъ выгоняютъ коней на почлегъ, хозяйки даютъ имъ по 4 или по 10 яицъ на лошадь. Пастухи дѣлаютъ углемъ мѣтки на яйцахъ и варятъ ихъ. Иногда бросаютъ яйцо въ густой кустъ вербы, чтобы лошади были хороши, или кладутъ яйцо въ дубъ, чтобы лошади были сильны. Въ польской Лифляндіи этотъ пиръ устраивается обыкновенно наканунѣ Егорова дня. Пастухи бьются яйцами, причемъ тотъ, у кого яйцо крѣпче, приговариваетъ „мой конь сильнѣе“. Въ одной пѣснѣ приглашаютъ принести Усеню въ жертву сто яицъ; въ другой пѣснѣ самъ Усень раздастъ яйца (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. племени, 26—28).

Катаніе писанокъ, какъ символъ движенія солнца, соотвѣтствуетъ катанію по столу другого солнечнаго символа свадебнаго вѣнка (подроб. см. въ моемъ соч. О свадебныхъ обрядахъ 79—89). Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ находятся указанія, что дѣвушки, свивши вѣнокъ, катили его по столу (*Метлин.*, 143, *Шейнъ*, 361).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ покатить предметъ по землѣ могло означать посвященіе предмета солнцу или точнѣе жертвоприношеніе. Такое значеніе, повидимому, имѣетъ слѣдующій базарный обычай, отмѣченный Г. Θ. Квиткой въ „Солдатскомъ портретѣ“. Торговка Явдоха вышла на базаръ съ паляницами (круглый хлѣбъ): „отъ молодой и кричатъ Явдоси: а ну, паньматко, выбирай мисце, на щаслыву продажу. Ты въ настъ голова, де ты сядешъ, то и мы били тебе. Явдоха и узла зъ чужой коробки паляныцю, стала насходъ сонця, тричи перехрестылась, та и покотыла паляныцю навпаки сонця“. Паляница упала около солдатскаго портрета. Бабы, принявшія портретъ за живаго солдата не захотѣли садиться около солдата и Явдоха „поворожила“ другою паляныцею. Эта своеобразная ворожба указываетъ на культъ солнца.

Писанки рѣдко поступаютъ въ продажу. Въ слободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда я встрѣчалъ ихъ на базарѣ

въ послѣдніе дни Страстной седмицы. Малиарской работы покупаль по 5 коп. за писанку, простой „бабской“ по 1 коп. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“, написанной въ началѣ 30-хъ годовъ, дѣвушка-мастерица одну изъ писанокъ, лучшую по рисунку, откладываетъ своему жениху, „а уси прочіи понесе вона зъ сестрами завтра у великодну субботу на мисто у городъ та попродавши, накуплять скиндячокъ, стричокъ, шпалеривъ на голубы, шупышы и усего, чого имъ треба, а чого не по-продають, такъ празныками пидъ колисамаы поминяють на горихы, на мочени кисличкы, на горохвяныкы и на оусяки ласощи“. Писанки идутъ на уплату за качели и въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Харьковщинѣ (сооб. Скубинскій), въ кубанской области (с. Донцова).

На Воляни (с. Глинскаго) и на Кубани (с. Расавскаго и Е. Барановской), изрѣдка въ Харьковщинѣ вѣшаютъ писанки подъ иконами или подъ лампадками. Въ Темрюкѣ въ сырой писанкѣ дѣлаютъ на противоположныхъ концахъ по дырочкѣ, вытягиваютъ ртомъ содержимое ища, затѣмъ продѣваютъ насквозь ленточку или ниточку и привязываютъ къ лампадкѣ (с. Барановской).

На Воляни изъ скорлупы писанокъ, которую стараются сохранить въ возможной цѣлости при помощи воска, выдѣлываютъ такія бездѣлушки какъ кувшинчики, рюмочки, крошечныя вазочки (Елисаветгр. Вѣстн., 1889, № 103).

Писанки или ихъ скорлупа сохраняются въ теченіе года, до слѣдующей Пасхи (с. Пелихова), или до лѣта (Udziela), или до Вознесенія (Господня) (с. Савинова).

Въ научномъ отношеніи писанки заслуживаютъ вниманія и изученія преимущественно по рисунку. Въ орнаментаціи сказывается все значеніе ихъ археологическое и эстетическое.

Разнообразныя формы писаночныхъ рисунковъ мы раздѣляемъ на слѣдующіе разряды орнаментаціи: геометрической, солярной, растительной, животной, предметно-бытовой и религіозной. Солярная орнаментація близко подходит къ геометрической, почти сливается съ нею.

Въ археологическомъ отношеніи наиболее любопытной по обломкамъ древности представляется геометрическая орнаментація, въ художественномъ геометрическая и растительная.

Геометрическая и растительная формы орнаментаціи существуют съ незапамятныхъ временъ. Въ памятникахъ, открытыхъ въ Санторинѣ и въ Микенахъ, рядомъ съ геометрической орнаментаціей стоитъ уже растительная, весьма развитая. Родиной геометрической орнаментаціи считаютъ Элладу. Существуетъ болѣе вѣроятная теорія, что геометрическій стиль принесенъ индоевропейскими народами изъ первоначальной арійской родины. Французскій ученый Дюмонъ допускаетъ вліяніе финикійской или вообще азіатской промышленности на происхожденіе и развитіе геометрическаго стиля орнаментаціи (*Павлукиѣй*, Греч. росписн. вазы, 61—64). Первоначальныя, формы геометрической орнаментаціи такъ просты и незатѣйливы, что возникнуть онѣ могли у разныхъ народовъ древности самостоятельно, и нѣтъ надобности доискиваться родины геометрическаго орнамента. Разумѣется, вполне возможно, что съ теченіемъ времени болѣе развитый геометрическій орнаментъ одного народа оказывалъ вліяніе на орнаментацію другихъ народовъ, и здѣсь скорѣе всего можно выдвинуть вліяніе азіатскаго востока, гдѣ искони геометрическая орнаментація отличается изяществомъ и сложностью. Въ пользу мнѣнія о самостоятельномъ зарожденіи, а мѣстами и самостоятельномъ развитіи геометрическаго стиля говоритъ чрезвычайное его распространеніе во всѣхъ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря, въ Германіи, Венгріи, Даніи, Швеціи, Россіи, Индіи, Китаѣ. Фрагменты вазъ съ геометрическимъ украшеніемъ найдены также въ Иерусалимѣ и въ Куонджикѣ въ Ассиріи (*Павлукиѣй*, 62).

За немногими исключеніями, когда геометрическіе или растительныя рисунки разбросаны по всей поверхности ящика, обыкновенно поверхность ящика раздѣляется продольной или поперечной чертой, иногда двумя продольными или двумя поперечными, иногда многими продольными или четырьмя или даже шестью поперечными. Этими главными линіями опредѣляется форма рисунка. Поперечная линія или полоска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (напр. въ лебединскомъ у харьк. губ.) называется пояскомъ, а самая писанка подсыней или безпоясныей. Къ основнымъ и поперечнымъ линіямъ иногда

присоединяются косыя и ломаныя лініи, образующія въ пересѣченіи съ прямыми и поперечными треугольники и розетки. Образцомъ рисунка изъ пересѣкающихся продольныхъ и косыхъ ліній могутъ служить писанки №№ 1 и 2 въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой. Въ особенности красивъ бываетъ сложный линейный рисунокъ на писанкахъ подъ названіемъ „сорока-кльнчи“. Здѣсь дѣйствительно бываетъ сорокъ треугольничковъ. Такія писанки встрѣчаются на Волини, въ Подоліи, въ Харьковщинѣ (сообщенія и коллекціи Глинскаго, Скубака, Савинова), въ Болгаріи. Иногда писанки этого рисунка называются „кльнчи“; тогда бываетъ только 24 треугольника. При разрисовкѣ писанки прямыми и косыми лініями треугольники представляются настолько естественно вытекающей формой рисунка, что мы не видимъ надобности выводить ее преемственно изъ того архаическаго троугранна, который встрѣчается на древнихъ бронзахъ, тканяхъ и мозаикахъ съ символическимъ значеніемъ (*Wankel*, 15). Нужно, впрочемъ, оговорить, что троугранъ на моравскихъ писанкахъ иногда имѣетъ самостоятельное значеніе сравнительно съ ближайшими къ нему геометрическими фигурами, напр. на 20, 22 и 24 писанкахъ въ атласѣ Странечки и Ванклевой, и при ограниченности наличнаго матеріала мы не беремъ на себя смѣлости совсѣмъ устранить архаическій троугранъ изъ писаночной орнаментаціи.

Къ простѣйшему линейному орнаменту на писанкахъ относится еще *плетенка*. Это одна изъ древнѣйшихъ орнаментацій, извѣстная уже въ эпоху обитанія въ Европѣ мамонта, отмѣченная на каменныхъ, глиняныхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ первобытной эпохи (*Wankel*, 24). На родосскихъ вазахъ (эхоное, гидріяхъ, амфорахъ), выражающихъ въ своей орнаментаціи вліяніе азіатскихъ мотивовъ, плетенка часто встрѣчается (*Павлукиій*, 69). Встрѣчается этотъ орнаментъ и на писанкахъ славянскихъ народовъ, моравскихъ (въ атласѣ *Ванклевой*, 4, 21, 43, 44, 45), великорусскихъ и малорусскихъ. Самый простой, наиболѣе архаическій рисунокъ плетенки мы видѣли на одной малорусской писанкѣ изъ черниговской губерніи. Тождественный рисунокъ на моравской писанкѣ въ атласѣ

Ванклевой под № 21. Въ моей коллекціи есть плетенка на великорусской писанкѣ изъ щигровскаго у. курской губ. *Точечная* орнаментика чрезвычайно распространена на древнихъ греческихъ сосудахъ и вещахъ греческихъ съ береговъ Мраморнаго и Чернаго морей, на серебряныхъ и золотыхъ скиѣскихъ вещахъ, въ новое время въ орнаментикѣ всѣхъ славянъ, преимущественно сербовъ и чехо-моравовъ, надъ окнами и дверями, на стѣнахъ, на вышивкахъ, въ Россіи на ярмахъ и дугахъ, у чехо-моравовъ очень часто и въ обилии на писанкахъ (въ атласѣ *Ванклевой* №№ 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 26, 29, въ большомъ количествѣ точекъ №№ 31, 32, 34, 35, 36; въ связи съ растеніями 37—42). Сочетанія точекъ весьма разнообразны; точки идутъ въ рядъ одна за другой, или стоятъ въ видѣ треугольника или по четыре квадратомъ, или прикрѣплены ножками къ линіямъ, или окружаютъ листья и цвѣты. На малорусскихъ писанкахъ точечная орнаментика не имѣетъ опредѣленнаго характера и не имѣетъ важнаго самостоятельнаго значенія. Изрѣдка она встрѣчается въ пояскѣ на крестовыхъ писанкахъ (у *Косачевой* №№ 12 и 19), чаще вокругъ листьевъ и цвѣтовъ, причемъ переходитъ вполне въ растительный орнаментъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ к. - подольской губ. писанки съ точечными украшениями называются капанками (на капано воскомъ).

Изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ (въ нашихъ коллекціяхъ на подольскихъ писанкахъ) и весьма часто на моравскихъ встрѣчается *трезубецъ*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безъ ножки, въ видѣ Мы не расположены придавать этому значку архаичное значеніе, такъ какъ полагаемъ, что онъ появился на писанкахъ независимо отъ древнихъ письменъ, напр., рунъ, гдѣ *трезубецъ* обозначалъ при положеніи остріями вверхъ мужа, человѣка, мѣсяць, при положеніи внизъ—небо, облако, независимо отъ письменъ финикійскаго и греческаго, гдѣ этотъ знакъ означалъ буквы m, t, psi (*Wankel*, 17). На писанкахъ *трезубецъ* появляется въ концѣ линій, по нашему предположенію, какъ естественный результатъ разрисовки лица шпилькой, когда остатокъ расплавленнаго воска, удержавшійся на концѣ шпильки, расходуетъ на оконечности линій.

Самостоятельное положеніе на писанкахъ имѣетъ близкій къ трезубцу знакъ трискель или *трикветръ* Этотъ знакъ встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ (въ Подоліи), отмѣченныхъ въ моей коллекціи подъ названіями рута, орѣховый листъ и пауки, и на моравскихъ въ атласѣ Ванклевоу рис. № 26. Этотъ знакъ имѣлъ въ древности мистическое и мифическое значенія, какъ символъ движенія солнца по тверди небесной и плодородія. У финиціанъ трикветръ былъ символомъ Ваала. Въ позднее время этотъ знакъ въ Сициліи вошелъ въ геральдику. Часто онъ встрѣчается въ Даниі на древнихъ бронзовыхъ ножахъ, сѣкирахъ, фибулахъ, въ курганныхъ вещахъ въ Силезіи, Венгріи, Малороссіи, Италіи, Малой Азіи, Сиріи (*Wankel*, 19—20). На нѣкоторыхъ писанкахъ трикветръ получилъ значеніе растительнаго орнамента.

Въ геометрической орнаментациі на малорусскихъ, великорусскихъ и моравскихъ писанкахъ часто встрѣчается солнечный знакъ иногда съ точкой въ серединѣ круга, иногда съ загнутой ми въ концѣ лучами, иногда съ точками вокругъ круга, замѣняющими лучи. Въ атласѣ моравскихъ писанокъ Ванклевоу см. №№ 31, 33, 26, 47, 25, 26, въ статьѣ Ванкеля рисунки на с. 20. Въ моихъ коллекціяхъ солнечный знакъ имѣетъ одна писанка изъ Боромли ахтырскаго уѣзда, три писанки изъ к.-подольской, 1 изъ Волыни и 1 изъ курской губерніи (великорусская). Волынская писанка вся состоитъ изъ такихъ кружковъ съ лучами; на другихъ писанкахъ они являются дополненіемъ къ другимъ рисункамъ. Вообще, этотъ орнаментъ имѣетъ на писанкахъ вполне самостоятельное положеніе, и, по всей вѣроятности, символизировалъ въ древности солнце. Принимая эту гипотезу, мы естественно должны признать писанки съ солнечнымъ символомъ древнѣйшими по рисунку. По двумъ писанкамъ нашей коллекціи, подольской и курской, можно догадаться, въ какой обстановкѣ солнечный знакъ является на писанкахъ изстари: на обѣихъ писанкахъ, особенно отчетливо на подольской, нарисованы деревья и солнечные знаки по сторонамъ ихъ. Подольская писанка и названіе носить „сосенка“. Рисунокъ знаменуетъ весеннее возрожденіе природы подъ лу-

чами солнца. Этотъ знакъ съ его вариантами, какъ символъ солнца, встрѣчается на многихъ памятникахъ доисторическихъ временъ, на костяныхъ, бронзовыхъ и глиняныхъ издѣлкахъ, въ древне-египетскихъ храмахъ и пирамидахъ, на старинныхъ славянскихъ вышивкахъ.

Весьма часто на писанкахъ встрѣчается изображеніе *звѣзды*, чаще всего такъ называемой греческой звѣзды Въ атласѣ Ванклеовой съ такой звѣздой писанки подъ №№ 1, 2, 7, 8, 23, 44. Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косаче вой см. л. 15 №№ 3, 4, 10, 11, 12, 13. Въ Tygodnik illustr. dla dzieci 1889 г. № 15 рис. подъ № 25. Въ моихъ коллекціяхъ около 10 писанокъ съ греческой звѣздой, изъ харьковской, полтавской, волынской и к.-подольской губерній. Это самая распространенная и самая изящная форма звѣзды. Встрѣчаются другія формы звѣзды, напр., съ закругленными концами лучей. Эта форма звѣзды при грубомъ исполненіи не отличается отъ растительныхъ формъ орнамента. Самой простой и грубой формы звѣзды можно признать четырехугольную, встрѣчающуюся изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ. Писанки со звѣздами часто встрѣчаются на Кубани и въ Польшѣ. Рисуютъ звѣзды чаще на широкихъ продольныхъ сторонахъ лица, иногда на окраинахъ верхней и нижней; лучи расходятся, какъ въ греческой звѣздѣ, или сходятся къ центральной точкѣ.

Весьма любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи писаночнымъ орнаментомъ представляется *пентаграммъ* Этотъ мистическій знакъ имѣетъ весьма широкое распространеніе и глубокую древность. На Каролинскихъ островахъ пентаграммъ вырѣзываютъ на кожѣ при татуировкѣ (*Wankel*, 21). У лопарей пятиугольникъ обычное оленье клеймо и въ то же время амулетъ (*Харузинъ*, 252). Въ Марокко женщины навѣшиваютъ своимъ дѣтямъ на шею амулеты съ знакомъ пентаграма. Антиохъ Сотеръ въ походѣ на галатовъ ввелъ этотъ амулетъ въ своихъ войскахъ. Тѣлохранители византійскихъ императоровъ имѣли пентаграммъ на своихъ щитахъ. Его находятъ на доисторическихъ мечахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, имѣлъ охранительное значеніе амулета. Его рисовали въ старинное

время надъ дверями для охраны дома отъ чародѣевъ и злыхъ духовъ. Пентаграмъ имѣлъ таинственное значеніе у пифагорейцевъ и у древнихъ индусовъ (*Wankel* 21). Въ индійской символикѣ Шиву обозначали треугольникомъ остриемъ вверхъ въ видѣ пирамиды, Вишну — треугольникомъ въ обратномъ видѣ остриемъ внизъ, а положенные одинъ на другой треугольники эти составляли особый знакъ, который служилъ символомъ огня и воды, зла и добра, вообще символомъ вселенной (*Nowosielski, Lud. ukr. I, 185*). Пентаграмъ встрѣчается на моравскихъ писанкахъ (см. въ атласѣ Ванклевой № 32).

Къ числу весьма характерныхъ архаичныхъ элементовъ геометрической орнаментации принадлежитъ также меандръ или . Меандръ встрѣчается въ орнаментации на крайнемъ востокѣ на памятникахъ Индіи и Китая, весьма часто и въ разнообразныхъ сочетаніяхъ на древнихъ греческихъ вазахъ, весьма часто на этрусскихъ вазахъ, на многихъ предметахъ древности, найденныхъ въ славянскихъ странахъ, въ новое время у славянъ на вышивкахъ и гончарныхъ издѣліяхъ, у чехо-моравовъ на писанкахъ. Меандръ не встрѣчается на памятникахъ иранскаго и семитическаго племенъ. Одни ученые родиной меандра считаютъ древнюю Грецію, другіе Этрурію. Ванкель полагаетъ, что славянамъ издревле было извѣстенъ этотъ орнаментъ. По всей вѣроятности, народы на извѣстной стадіи духовнаго развитія самостоятельно выработали и полюбили эту форму орнаментации, оказавшуюся особенно пригодной въ архитектурѣ и мозаикѣ.

Одинъ ученый, занимавшійся въ 70-хъ годахъ изученіемъ малорусской орнаментики и собиравшій съ этой цѣлью, между прочимъ, писанки, недавно сообщилъ мнѣ, что въ его коллекціи было нѣсколько писанокъ съ изображеніемъ свастики. Недавно въ польскомъ этнографическомъ журналѣ „Висла“ (1889, стр. 970) было также указаніе, что свастика встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ. Въ моихъ коллекціяхъ такихъ писанокъ нѣтъ. Свастика является исконнымъ религиозно-мистическимъ и символическимъ знакомъ. Самое слово *svastika* древне-индійское (*sv—asti*) и означаетъ добро есть, на

здоровье. Другой научный терминъ этого знака, рѣже встрѣчающійся, „тетраскель“ (четыреногъ). Свастика встрѣчается на древнихъ памятникахъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Ее нашли у монгольскихъ народовъ, у финикійцевъ и этрусковъ, у финновъ, у американцевъ. У галловъ и германцевъ она является въ концѣ бронзоваго вѣка; у римлянъ лишь въ III в. по Р. Хр.; этрусски, повидимому, употребляли ее для украшенія. Предполагаютъ, что азіатскіе туранцы заимствовали свастикку отъ арійцевъ. Вообще, свастика—любимый религіозный символъ арійцевъ. Относительно происхожденія этого знака существуетъ въ наукѣ гипотеза, что свастика была первоначально орудіемъ для добыванія огня, употреблялась при священныхъ обрядахъ и впоследствии стала знаменовать высшее божество солнца, Аполлона, Одина. И теперь свѣтъ очаровываетъ дѣтей. Въ глубокой древности онъ очаровывалъ и взрослого человѣка. Намъ, ослабляющимъ мракъ ночи факелами, лампами и электричествомъ, трудно представить себѣ ужасъ пра-человѣка предъ глубокой тьмой, которую его фантазія населяла страшилищами и радость его при свѣтѣ и всякомъ его символѣ (*Трачевскій*, въ IV т., Труд. одес. арх. съѣзда 14; *Wisła*, 1889, 710, и 970; *Wankel*, 18).

Нѣсколько спиральныхъ линій, колець или завитушекъ, обходящихъ вокругъ писанки, составляютъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ Малороссіи писаночныхъ рисунковъ, такъ называемый *безконечникъ*. Въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой, см. подъ № 21. Въ моихъ коллекціяхъ находится 8 безконечниковъ изъ харьковской, волинской, к.-подольской губерній и кубанской области. Изящный безконечникъ изъ г. Краснокутска богодуховскаго у. по рисунку вполне сходенъ съ безконечникомъ изъ с. Гульчи, острожскаго у., волинской губерніи. Въ народѣ писанки этого рисунка имѣютъ обрядомистическое значеніе. Пасѣчникъ идетъ на Пасху христосоваться съ пчелами и несетъ имъ безконечникъ, который кладетъ подъ первый или попутній улей, называемый у заднѣпровцевъ хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 472). Тожественный обычай существуетъ нынѣ въ купянскомъ у.

харьк. губ.: „Писанку безконешникъ пасяшныки владуть пидъ вулій и бережуть ии, щобъ безконечно роились бджолы. И сему суца правда! Безконешною вона зветця потому, шо стики ии ни розглядай, а начала и кинця въ неи не найдешь: одни вылюжки та карлючки“ (сообщ. А. А. Склубинская). Безконешники бываютъ различныхъ формъ: цвѣтныя кольца или спиральныя линіи идутъ поперекъ яйца, или, что рѣдко встрѣчается, вдоль. Писанки послѣдняго рода найдены мной въ одной записи изъ к.-подольской губерніи и въ коллекціи свящ. Дмитріева изъ лебединскаго у., харьк. губ.

Религіозно-христіанскія формы рисунка мало распространены сравнительно съ другими формами писаночной орнаментации. То, что слабо въ этомъ отношеніи въ настоящее время, навѣрно можно сказать, было слабо и неразвито и въ старину. Это вовсе не говоритъ противъ народнаго чувства религіозности. Это чувство издавна велико. Не подъ силу было простому неграмотному крестьянину ввести въ писанки христіанскую орнаментацию. Съ появленіемъ въ селѣ грамотныхъ маляровъ и съ распространеніемъ грамотности среди крестьянъ и на писанкахъ появились надписи религіознаго характера, изображенія Спасителя, пресв. Дѣвы Маріи, ангеловъ, чаши.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи, напр., въ к.-подольской губерніи, религіозная тенденція захватила одну изъ самыхъ популярныхъ писанокъ геометрическаго стиля—сорока-клинцы: писанка стала означать или сорокадневный постъ или сорокъ мучениковъ. Мѣстами ее раскрашиваютъ въ день 40 мучениковъ (с. Роткевича). Въ принадлежащей мнѣ коллекціи писанокъ изъ подольской губ. находится писанка подъ названіемъ „плащаница“ въ видѣ равносторонняго четырехконечнаго креста съ какими-то четырьмя своеобразными цвѣтными завитушками по угламъ въ пересѣченіи крестовыхъ линій. Въ с. Островерховкѣ, харьковскаго уѣзда, мастерица Головчиха, между прочимъ, расписываетъ одну писанку подъ названіемъ иконостасъ (с. Савинова). Въ Галиціи встрѣчаются писанки „церковка“, „дзвинь“ и „поповы ризы“. (Tygodn. ill. dla dzieci, 1889, № 15).

Весьма распространены *крестовыя* писанки. Извѣстно, что крестъ задолго до появленія христіанства занималъ видное

мѣсто въ орнаментикѣ и, повидимому, въ символикѣ. На глиняныхъ сосудахъ, найденныхъ на островахъ Эгейскаго моря, относимыхъ археологами къ X в. до Р. Хр., крестъ составляетъ уже обычное орнаментальное украшеніе (*Павлуцкій*, 60). Нѣтъ, однако, никакого основанія писаночные кресты возводить въ дохристіанское время. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ христіанскою орнаментикой, вполне доступной для народа по простотѣ рисунка. Формы креста на писанкахъ весьма разнообразны. Чаще всего встрѣчается обыкновенный греческій крестъ четырехконечный и равносторонній, на моравскихъ писанкахъ такой же крестъ съ ручками или утолщеніями въ концахъ въ формѣ иногда андреевскій крестъ въ видѣ буквы Х. Эти формы креста, преимущественно греческій простой и съ ручками встрѣчаются на малорусскихъ и моравскихъ писанкахъ въ связи съ разными элементами геометрическаго стиля (у Ванклеовой №№ 11, 12, 20, 23; у Косачевой №№ 14, 20). Всѣ эти формы креста были весьма распространены на византійскомъ Востокѣ. Православныя церкви строились и строятся обыкновенно въ видѣ греческаго креста. Такой крестъ часто рисовали на одѣянїяхъ святыхъ. Греческій крестъ съ ручками вошелъ въ орнаментику константинопольскаго Софійскаго храма. Въ настоящее время сербы католики въ Босніи вырѣзываютъ крестъ съ утолщеніями на концахъ, на рукѣ (*Гликъ* въ Гласникъ зем. Музея 1889, III, 81). Что касается до латинскаго креста, съ удлиненнымъ нижнимъ концомъ, того креста, въ формѣ котораго на католическомъ Западѣ построено большинство церквей романскаго и готическаго стилей, то такой крестъ мы нашли только въ одной коллекціи писанокъ изъ с. Балаклѣи, змѣвскаго у., харьковской губерніи. Присутствіе на малорусскихъ и чехо-моравскихъ писанкахъ андреевскаго и греческаго крестовъ говорить въ пользу предположенія о византійскомъ происхожденіи писаночной орнаментики у народовъ славянскихъ.

Своеобразными крестовыми писанками можно признать въ атласѣ Косачевой № 14 (восьмиконечный крестъ), 19 (четыреконечный крестъ изъ цвѣтовъ), 20 (два небольшихъ равностороннихъ четырехконечныхъ креста, причемъ одинъ встав-

лень въ другой). Въ моихъ коллекціяхъ есть нѣсколько грубо исполненныхъ крестовъ изъ цвѣтовъ и одинъ довольно изящный рисунокъ креста, положеннаго на звѣзду. Моравскія крестовыя писанки въ атласѣ Ванклеовой подь № 3 (напоминаетъ малорусскую у Косачевой подь № 19), подь № 27 (превосходный рисунокъ четырехконечнаго креста краснаго цвѣта изъ четырехугольниковъ на черномъ фонѣ и подь № 47 (красный крестъ, состоящій изъ многихъ малыхъ крестовъ, на черномъ фонѣ).

Въ Темрюкѣ кубанской области на писанкахъ геометрическаго или растительнаго стиля непременно ставится одинъ маленькій крестикъ. Такой крестикъ находится на писанкахъ: „сорокъ висимъ елиндивъ“, „безконечникъ“, „повна рожа“ и др.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ харьковской губ. (с. Свѣтъ), въ к.-подольской (с. Руткевича), въ кубанской области (с. Дружинина и Товпекина), встрѣчаются изрѣдка писанки маларской работы съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери, ангеловъ, съ надписями „Христосъ воскресъ“, съ изображеніемъ чаши или сердца, пронзеннаго стрѣлой.

Растительная орнаментика встрѣчается на многихъ писанкахъ; по распространенности и по художественности она не уступаетъ геометрической орнаментикѣ. Рисуютъ или цѣлое растеніе, или, сообразно съ небольшою поверхностью яйца, отдѣльныя части растенія, листья, цвѣты въ одиночку, цвѣты съ ножками и листьями. Растительной орнаментикой опредѣляется часто названіе писанки: рожевка, хрѣновый листъ, сосна и пр. При сложной растительной орнаментикѣ иногда писанки получаютъ сложную описательную терминологию. Самымъ характернымъ примѣромъ могутъ служить писанки изъ лебединскаго у., харьковской г., любезно доставленные мнѣ свящ. о. Измаиломъ Дмитриевымъ, при хорошо составленной объяснительной запискѣ. Въ этой коллекціи 19 писанокъ разрисованы въ строгой системѣ по тремъ основаніямъ; вишневому листу, дубовому листу и розѣ, причемъ вся разница рисунка опредѣляется тѣмъ, на широкихъ или узкихъ сторонахъ яйца нарисованы листья, велика ли форма листа или не велика и, наконецъ, имѣется ли поперечная линія—поясокъ или нѣтъ такого, каковой орнаментикой опредѣляется и самая терминологія писанокъ, именно;

Вишневый листъ.

- 1) Вишневый листъ безпоясница;
- 2) Вишневый листъ на 8 листьевъ;
- 3) Вишневый листъ на 4 листа по желтому полю;
- 4) Вишневый листъ на 4 листа по бѣлому полю.

Дубовый листъ.

- 1) Дубовый листъ на 8 листьевъ;
- 2) Дубовый листъ безпоясница;
- 3) Дубовый листъ подпоясница на 4 листа;
- 4) Дубовый листъ подпоясница на 4 листа съ желудями;
- 5) Дубовый листъ на 2 листа;
- 6) Дубовый листъ, боковая продольная на 2 листа;
- 7) Дубовый листъ боковая поперечная на 2 листа.

Рожевка.

- 1) Рожевка на 6 квитокъ;
- 2) Рожевка на 4 рожи (пивквитки);
- 3) Рожевка на 2 рожи (пивквитки);
- 4) Рожевка на 2 рожи шелудивка (не повна квитка);
- 5) Рожевка сторчевая, повна на 2 рожи;
- 6) Рожевка сторчевая, на 2 рожи шелудивка;
- 7) Рожевка боковая, на 2 рожи шелудивка;
- 8) Рожевка на 4 листа по жовтому полю.

Въ объясненіе этой терминологіи можно добавить, что терминъ „рожевка сторчевая повна на 2 рожи“ означаетъ, что розы нарисованы на верхнемъ и нижнемъ концахъ яйца, спускаются на его середину, на которой нѣтъ полска, а когда проводится поясокъ, то сторчевыя розы бываютъ меньшаго размѣра, оттого и сама писанка „шелудивка“—неполная, а, когда розы нарисованы на широкихъ сторонахъ писанки, то получается боковая писанка ¹⁾. Писанка „боковая рожа шелудивка“ встрѣчается также въ г. Темрюкѣ, кубанской области, (с. Барановской).

¹⁾ Эта сложная терминологія, отмѣчена только въ слободѣ Лининой лебединскаго уѣзда; въ другихъ мѣстностяхъ названія писанокъ состоятъ обыкновенно изъ одного слова (саквы, сосна, крестата и пр.), изъѣда двухъ (бараныи роги, куриачи лапы), смотри по рисунку.

Вишневый листъ, дубовый листъ и роза (также роза — *malva*) встрѣчаются на писанкахъ въ Галиціи, Екатеринославщинѣ, кубанской области и въ другихъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ. Роза встрѣчается чаще другихъ цвѣтовъ. И въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“ отмѣчена „кохвейна (по цвѣту) роза на усе яйце и не унысалася, такъ вже и листь-тячко дрибнесенько вже на самому кинци ледве прытулылы“. Формы листьевъ часто бывають настолько неопредѣленнаго характера, что по нимъ трудно опредѣлить природу растенія. Въ моей коллекціи есть писанка „полева роза“ изъ с. Островерховки харьковскаго уѣзда, которая по рисунку напоминаетъ писанки дубоваго листа изъ лебединскаго уѣзда.

„Рожевѣ сторчевой на дви рожи шелудывѣ“ лебединскаго у. соотвѣтствуетъ по рисунку галицко-русская „подлужна роза“ (*Tygod. illustr. dla dzieci* 1889, № 15, подъ № 26). Въ к.-подольской губ. извѣстна писанка „ружа съ гребинцами“ (роза на серединѣ лица, а ее накрестъ раздѣляютъ четыре линіи, оканчивающіяся гребешками), въ кубанской области „перевита роза“ съ цвѣтами на продольныхъ линіяхъ.

Изъ другихъ растеній чаще всего на писанкахъ изображается сосна: этотъ орнаментъ можетъ быть очень древнимъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ соединенъ съ солнечными кружевами, что въ совокупности должно было выражать возрождающуюся весной природу. Между писанками сосенками встрѣчаются и очень красивыя, какъ можно видѣть въ моей коллекціи на волынской писанкѣ. Писанки сосны извѣстны въ курской губерніи, на Кубани, въ Галиціи. У галичанъ различаютъ писанки—сосну большую (одна вѣточка вдоль всего яйца) и сосну малую (четыре вѣточки накрестъ).

Изъ произведеній украинской флоры на писанкахъ мы далѣе встрѣтили: козодрисъ (польск. *kosodrzew, kosówka* — *pinus mughus*), гвоздику, фіалку, виноградъ, сливы (плоды), руту, барвинковый листъ, попову мудь (цвѣточки), орѣховый листъ. Эти растительные орнаменты украшаютъ писанки изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родевичемъ). Гвоздики встрѣчаются на харьковскихъ и галицко-русскихъ писанкахъ. Въ к.-подоль-

ской губ. рисуютъ еще писанку „полунышница“ (с. Савинова), отъ сл. полуница—клубника. Въ слободѣ Анвиной лебединскаго у. знаютъ писанку „хрѣновый листъ“ оригинальнаго рисунка (изъ цвѣтныхъ параллельно расположенныхъ полосъ). Въ Темрюкѣ одна писанка носить названіе „огирки“ (огурцы).

На польскихъ писанкахъ встрѣчаются „пальмы“ или вѣтки въ родѣ сосны (*Udziela*, 9). Изъ соединенія звѣздъ и сосенъ образуются разные писаночные рисунки. Далѣе извѣстны писанки „въ метелки“, „въ мачки“—очень изящная, по синему фону вырѣзаны мелкіе маковые листочки, бѣлые по цвѣту скорлупы (въ Вислѣ, 1890 г. III).

Въ атласѣ моравскихъ писанокъ встрѣчаются очень изящные рисунки листьевъ, цвѣтовъ и растительныхъ колокольчиковъ (№№ 3, 4, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 26, 28, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 47, 48); къ сожалѣнію, въ атласѣ нѣтъ никакихъ указаній на природу или названіе изображаемыхъ на писанкахъ растений. Въ художественномъ отношеніи наилучшими представляются №№ 39—42 (листы и колокольчики въ спиральной формѣ обходятъ вокругъ всего лица).

На сербскихъ писанкахъ встрѣчаются изображенія глацинтовъ (сумбулъ), тюльпановъ, яблोकъ (Гласникъ земальскогъ музея, 1889, III, 60).

Животный орнаментъ на писанкахъ рѣдко встрѣчается. Древность его не поддается точному опредѣленію. Однѣ формы животнаго орнамента могутъ происходить изъ глубокой древности, напримѣръ, изображеніе пѣтуха, другія (ракъ, курячі лапы и пр.) могутъ быть разсматриваемы какъ случайная игра фантазіи, опирающаяся на обстановкѣ современнаго народнаго быта. Если же остановиться на вопросѣ о древности животной орнаментаціи вообще, то, не вдаваясь въ подробности, достаточно будетъ здѣсь замѣтить, что рисунки и рѣзьба фигуръ животныхъ составляли занятіе древнѣйшихъ пещерныхъ обитателей Европы и выполнялись ими уже настолько художественно, что иные изслѣдователи считали эти рисунки на камнѣ, кости и бронзѣ за современную поддѣлку. Искусство раскра-

шиванія возникло также въ глубокой древности. Дикари, раз-
рисовывавшіе себѣ тѣло углемъ, красною глиной, красною и
желтою охрою, могли раскрашивать тѣми же красками вырѣ-
занныя фигуры или яйца. Путешественники по Австраліи, за-
ходя въ пещеры, удивляются искусству, съ какимъ сдѣланы
на стѣнахъ фрески, изображающія кенгуру, эму и пляску ту-
земцевъ (*Тайлоръ*, Антропология, 300).

Въ животной орнаментикѣ писанокъ изрѣдка встрѣчается
цѣлое животное, большею частью части его (рога, лапы), въ
зависимости отъ малаго объема матеріала.

Самымъ распространеннымъ и, повидимому, самымъ древ-
нимъ животнымъ украшеніемъ писанокъ оказывается птичка,
имѣющая большею частью видъ пѣтушка. Въ повѣсти Г. О.
Квитки „Отъ тоби и скарбъ“—„Орышка напысала вышневыхъ
пташечокъ, шо цилуются, а кругомъ усѣго яйца та пидпысала
слова, шо дякъ Симейонъ скомпоновавъ и спысавъ на бумазці:

Христось воскресе вельце!

Поцилуймося мое серце!

такъ Орышка зъ тѣхъ бумазкы сама спысовала, та тильки, не
вмючи пысьма, на лыхо соби почала не зъ тией руки, якъ
треба, такъ хто письменный, то ничего и не розбере и не скаже,
що воно и е, чи то слова, чи такъ що надрыпано“. Подобное
обыкновеніе бытуетъ и нынѣ въ харьковской губ. Въ купян-
скомъ у. маляры и живописцы рисуютъ на писанкахъ цѣлюю-
щихся голубей (с. Пелихова). Но эта форма животного орна-
мента не имѣетъ характера древности; вмѣсто свойственной
древности серьезности замысла здѣсь выступаетъ эротическое
сентиментальное начало.

Гораздо болѣе древними представляются намъ пѣтушки
на великорусской писанкѣ въ моихъ коллекціяхъ и на трехъ
моравскихъ писанкахъ въ атласѣ Ванълевой (№№ 29, 30 и 48).
Здѣсь пѣтушки окружены деревьями и цвѣтами, а въ № 48
добавлены еще солнечныя символическія знаки въ видѣ звѣздочекъ.

Пѣтухи и голуби встрѣчаются на сербскихъ писанкахъ
(*Гласникъ зем. музеја*, 1889, III, 62). Изъ Болгаріи доставленъ
мнѣ снимокъ съ одной писанки, на одной сторонѣ которой

изображена большая птица въ стоящемъ положеніи, на другой— на-лету. Породу птицы трудно опредѣлить.

Писаночный пѣтухъ представляетъ зооморфическій образъ солнца, что подтверждается несомнѣнно солярнымъ значеніемъ пѣтуха во многихъ повѣрьяхъ, поговоркахъ, сказкахъ и обрядахъ. Какъ провозвѣстникъ дневнаго разсвѣта, пѣтухъ издревле получилъ значеніе солнечнаго символа. Въ загадкѣ „сидитъ пивецъ на верби, спустилъ косы до земли“ выступаетъ солнце и его лучи. Во всѣхъ странахъ Европы голосу пѣтуха приписывается могучая сила: демоны, мертвецы, ушеры исчезаютъ при первомъ крикѣ пѣтуха. Деревянное изображеніе пѣтушка на крышѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и Россіи служитъ охранительнымъ талисманомъ (*Аванасьева*, Поэт. возвр., I, 518).

Въ моей коллекціи писанокъ изъ е.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ) находится писанка подъ названіемъ пчела. Догадаться по рисунку трудно: туловище дѣйствительно пчелиное, длинное, съ желтыми поперечными полосками; головка въ видѣ перекладки такого же рисунка; но на мѣстѣ крыльевъ и впереди головки большіе треугольники краснаго цвѣта. Свящ. Родкевичъ высказываетъ при этомъ предположеніе, не указываетъ ли писанка пчела на 17 марта, день св. Алексѣя челоуѣка Божія, который, по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ, покровительствуетъ пчеловодству.

Въ той же коллекціи находится другая рѣдкая писанка—ракъ. Здѣсь уже никоимъ образомъ нельзя догадаться по рисунку, что мы имѣемъ передъ собою рака. Рисунокъ представляетъ сходство съ безконечникомъ: спиральная линія обходитъ всю широкую половину яца, обращенную къ зрителю, а среди этой линіи находится маленькая крестообразная фигурка.

Въ той же коллекціи находится писанка „пауки“, которую, не зная названія, можно признать писанкой растительнаго орнамента. Никакого подобія пауковъ: поясокъ раздѣляетъ писанку на 2 продольныхъ части; каждую половину писанки крестовый цвѣтокъ раздѣляетъ на 4 части, въ которыя вставлены по 3 загнутыхъ въ кружокъ линіи, сидящихъ на одной ножкѣ.

Въ той же к.-подольской коллекціи находится писанка „парпаньская муха“, нѣсколько напоминающая большую муху: брюшко съ длинной головкой, 2 крылышка около брюшка и 2 длинныхъ крылышка по бокамъ; мастерица сфальшила, изобразивъ рядомъ съ головкой и такой же величины 2 крыла, такъ что муха выходитъ трехъ-головая.

На галицко-русскихъ писанкахъ встрѣчаются иногда изображенія улитокъ, и сами писанки съ такимъ рисункомъ называются слимаки (*Ziel*, въ *Tygodn. illust. dla dzieci*, 1889, № 15).

Въ той же галицко-русской мѣстности (Покутье) встрѣчается писанка съ извивающею линіей по лицу, и называется такая писанка ужемъ (*ib.*).

Въ коллекціи писанокъ, принадлежавшей бывшему юго-западному отдѣлу Географическаго общества, была, какъ мы слышали, писанка съ изображеніемъ рыбы; нельзя сдѣлать изъ этого единственнаго экземпляра писанки-рыбы какое-либо заключеніе о символическомъ значеніи этой писанки (въ катакомбахъ рыба—символь Христа); проще предположить о случайномъ появленіи этого рисунка.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Галиціи и въ Польшѣ встрѣчаются писанки „бараньи рога“, „курячьи лапы“, „качачьи лапы“, „гусячьи лапы“, „утиныя шейки“, „заячьи ушки“, съ соотвѣтствующими рисунками, напр., четырьмя накрестъ положенными линіями съ загнутыми концами (рога), съ 3 или 4 линіями расходящимися изъ одной точки (лапки).

Въ печати были высказаны мнѣнія о вліяніи на писаночный орнаментъ рисунковъ ковровъ, ситца, разныхъ узороцій (Глинскій, Довгирдь); но по извѣстнымъ намъ коллекціямъ и рисункамъ мы не можемъ указать на это вліяніе. Мы считаемъ писаночную орнаментику оригинальной, во многихъ случаяхъ традиціонной, во многихъ—случайной, какъ проявленіе свободного эстетическаго творчества, причемъ матеріаль даетъ мѣстная флора и разные предметы домашняго хозяйства.

Многіе писаночные рисунки имѣютъ бытовое содержаніе. Таковы писанки „гребень“, „грабли“, „сокира“, „святая лента“, „зонтикъ“ (въ Галиціи), „люлька“ (трубка, въ к.-подольской губ.)

„вовчи зубы“ (принадлежно к ткацкаго станка, тамъ же), „човныки“, „саквы“ (мѣшки), „чоботы“, „крутые рукава“, „баклажоецъ“, „скрыпка“, „боченочекъ“, „мотовыльце“ (въ Темрюкѣ¹⁾).

Изъ предметныхъ орнаментовъ отмѣтимъ слѣдующіе: Въ К.-подольской губерніи встрѣчается писанка „бесаги“, на которой красной краской по темному фону изображены молдавскіе двойные мѣшки бесаги, которые перевѣшиваютъ черезъ плечо на грудь и спину (с. Родкевича). Подобнаго рисунка писанка встрѣчается въ Барсуковской ст. кубанской области (с. Донцова).

Писанки въ формѣ лѣстницы рисуютъ въ Тенгинской ст. кубан. обл. (с. Росавскаго), въ курской губ. (великорусская писанка въ моей коллекціи); у поляковъ драбинки имѣютъ 9 или 10 ступенекъ (Udziała, 9).

Писанки „калытки“ (кошельки) встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи въ К.-подольской г. Свящ. Родкевичъ высказываетъ оригинальное предположеніе относительно происхожденія и значенія этого орнамента въ писанкахъ каменецъ-подольской губерніи. Въ числѣ орудій, изображаемыхъ на иконахъ Страстей Христовыхъ, находится также Іудинъ кошелекъ или касса, и возникаетъ вопросъ не означаютъ ли писанки „калытки“ Іудина торга при продажѣ Спасителя. Писанка „калыточка“ встрѣчается также въ купянскомъ у. харьковской г. (с. Свѣтъ).

Обычай приготовленія писанокъ къ Пасхѣ идетъ къ исчезновенію; мѣстами онъ уже прекратился; мѣстами сильно ослабѣлъ. На мою просьбу о присылкѣ писанокъ и свѣдѣній о нихъ извѣстный этнографъ И. И. Манжура отвѣтилъ мнѣ: „На послѣднихъ дняхъ Страстной, какъ я не искалъ писанокъ на двухъ екатеринославскихъ базарахъ, тамъ ихъ и слѣда не оказалось. Не оказалось ихъ также въ ближайшихъ окрестностяхъ города, хотя тамъ еще ихъ помнятъ; но производство уже умерло“. Другой почтенный изслѣдователь народной жизни П. В. Ивановъ пишетъ мнѣ: „Въ г. Купянскѣ въ послѣдніе годы писанокъ уже не пишутъ, какъ это бывало прежде, не про-

¹⁾ Съ черноморской писанкой „мотовыльце“ вполне сходна одна болгарская писанка изъ Добруджи.

даютъ; лавочная сахарная и фарфоровая писанка вытѣснила изъ употребленія домашнюю, хотя еще живы женщины, писавшія съ своими матерями и распродававшія въ прежніе годы въ теченіе поста сотни писанокъ. Нѣтъ выгоды, не стоитъ писать— вотъ ихъ отвѣтъ на вопросъ, почему онѣ не готовятъ теперь писанокъ. Въ Харьковѣ лѣтъ двадцать на окраинахъ еще писали писанки, а теперь здѣсь исчезъ этотъ обычай; ограничиваются простыми крашанками или лавочными сахарными и стеклянными писанками; на базарѣ я нашелъ въ прошломъ году на Страстной недѣлѣ 4 писанки изъ с. Коротича, отстоящаго отъ города верстъ на 15.

Въ другихъ мѣстностяхъ хранителемъ обычая является какая-нибудь одна старуха, со смертью которой умретъ и послѣдній слѣдъ обычая. Такъ, въ слоб. Анниной лебед. у. рисуютъ писанки маляръ и одна старуха, въ слоб. Боромлѣ ахтырскаго у. одинъ старикъ и одна старуха, въ с. Островерховкѣ харьк. у. старуха Арина Головчыха, а въ Темрюкѣ старуха Акулина Фаленко.

Упадокъ обычая рѣзко обнаруживается въ слабости и порчѣ рисунка: линіи неправильны, неровны, орнаментація сдѣлана небрежно, грубо. Единственное орудіе—кисточка—заброшено, и капаютъ на ядро прямо съ горящей восковой свѣчи. Оттого и писанки Харьковщины, Екатеринославщины, Полтавщины значительно грубѣе и однообразнѣе волынскихъ и подольскихъ писанокъ, слабѣе польскихъ и чешскихъ. Недостатки писанокъ лѣвобережной Украины не слѣдуетъ, мы думаемъ, объяснять сравнительно восточнымъ ея положеніемъ, удаленностью отъ западнаго славянства, отъ богатыхъ въ художественномъ отношеніи источниковъ европейской культуры. Дѣло въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи и среди великорусскаго населенія курской губ. попадаются писанки, весьма изящныя по рисунку и яркія по окраскѣ; но встрѣчаются онѣ рѣдко, въ немногихъ мѣстностяхъ, повидимому, какъ обломокъ лучшаго въ прошломъ состоянія писаночнаго дѣла. Эстетическое чувство и любовь къ изящному малорусскому народу свойственны не менѣе, чѣмъ народамъ западно-славянскимъ. Матеріалъ, собранный мною, настолько малъ въ коли-

чественномъ отношеніи, что нѣтъ возможности намѣтить въ писаночномъ дѣлѣ историческія градаціи или мѣстныя вліянія. Легко выдѣляются только малярскія писанки, по замысловатости рисунка (напр. „прободенное сердце“), по присутствію позолоты и по надписямъ. Коллекціи крестьянскихъ писанокъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ экземпляровъ, встрѣчающихся повсемѣстно (напр., безконечники), оказываются весьма разнообразными по силѣ и яркости окраски, по преобладанію того или другаго цвѣта, по выбору растительныхъ орнаментовъ.

Въ заключеніе статьи не могу не высказать двухъ пожеланій: первое, чтобы наше образованное общество и люди науки обратили серьезное вниманіе на угасающій обычай приготовленія писанокъ, собрали, что еще можно собрать, и продолжили мой настоящій трудъ на основаніи новаго матеріала. Второе пожеланіе состоитъ въ томъ, чтобы нашъ народъ путемъ просвѣщенія развилъ тѣ богатые художественныя дарованія, которыя онъ выразилъ въ писанкахъ, въ изяществѣ рисунка, въ умѣломъ подборѣ красокъ, въ чистотѣ и благородствѣ всей писаночной орнаментики.

Дополненія.

Во время печатанія статьи мы собрали еще слѣдующіе новые матеріалы, восполняющіе свѣдѣнія о писанкахъ:

1) Сообщение учителя г. Иваника изъ Кабардинской станицы, майкопскаго отдѣла, кубанской области: писанокъ не готовятъ, однѣ крапанки; сказаній, поговорокъ и проч. т. п. не имѣютъ; готовятъ крапанки на Страстной къ Пасхѣ и потомъ къ радоницѣ, скорлупы не сохраняютъ; красятъ красной, желтой, голубой и черной красками, которыя берутъ въ мѣстной лавочкѣ.

2) При любезномъ посредствѣ Б. Г. Филонова, я получилъ изъ с. Балаклѣи, змievскаго у. 20 крестьянскихъ писанокъ. Писанки трехцвѣтныя, по красному фону бѣлые и желтые рисунки, блѣдныя, грубой работы, геометрическаго и растительнаго стилей; нѣсколько крестовыхъ съ 4-конечнымъ латинскимъ

крестомъ; одинъ безконечникъ (14 бѣлыхъ параллельныхъ линий по красному фону).

Въ смоленской губ. существуетъ обычай носить во время Пасхи церковныя иконы. Ношеніемъ этимъ занимаются особыя лица, называемыя „богоносцами“, изъ бойкихъ крестьянъ. Богоносець за Святую недѣлю собираетъ иногда до 200 яицъ. Онъ большой охотникъ „биться на битки“, и нерѣдко случается, что однимъ яйцомъ выбиваетъ цѣлый десятокъ яицъ. Часто можно встрѣтить у него яйцо цесарки, которое считается всеразрушающимъ биткомъ. Въ битвѣ яицъ иногда принимаютъ участіе батюшка, дячекъ, пономарь; игра эта и теперь довольно популярна среди крестьянской молодежи. Строго преслѣдуется каменное яйцо и, по обычному праву, такое яйцо нерѣдко запускается въ голову его владѣльца. („Смол. Вѣстн.“, переп. въ „Днѣ“ 1891 № 1032).

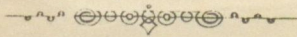
Въ I кн. „Вислы“ за 1891 г., с. 166 г. Глогеръ указываетъ на *древнѣйшее свидѣтельство* о писанкахъ XIII вѣка въ хроникѣ Кадлубка.

Въ той же книгѣ „Вислы“ приведена выдержка изъ соч. Милчевича „Животъ срба селяка“ о приготовленіи писанокъ въ Сербіи, сходномъ съ приготовленіемъ ихъ въ Малороссіи.

Названіе писанки „бесачи“ по изображенію двойныхъ переметныхъ сумъ румынское, а у румынъ бесачи сохраняются съ древнихъ временъ: у римлянъ bisaccium встрѣчается у Петронія († 67 г. по Р. Х.).

Н. О. Сумцовъ.

Поправка. На стр. 3, 4 строка снизу должно читать: „правобережной“ вмѣсто „лѣвобережной“.

Дозволено ценз. Кіевъ, 19-го іюня 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

